

Сергей
Цветков

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

от
Владимира
Святого
до
Ярослава
Мудрого

СКАЗАЛИ ЖЕ БОЯРЕ: «ЕСЛИ БЫ ПЛОХ БЫЛ
ЗАКОН ГРЕЧЕСКИЙ, ТО НЕ ПРИНЯЛА БЫ ЕГО
БАБКА ТВОЯ ОЛЬГА, А ОНА БЫЛА МУДРЕЙШЕЙ
ИЗ ВСЕХ ЛЮДЕЙ». И СПРОСИЛ ВЛАДИМИР:
«ГДЕ ПРИМЕМ КРЕЩЕНИЕ?»
ОНИ ЖЕ СКАЗАЛИ: «ГДЕ ТЕБЕ ЛЮБО».

Сергей Цветков

**Эпоха единства Древней
Руси. От Владимира Святого
до Ярослава Мудрого**

«Центрполиграф»

2012

Цветков С. Э.

Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого / С. Э. Цветков — «Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-227-03449-6

Известный писатель, автор многочисленных научно-популярных книг и статей, историк С.Э. Цветков подробно рассматривает один из самых драматических периодов древней русской истории – со второй половины 70-х годов X века до 1054 года. Это время кровавых династических распрей, коренного преобразования духовных основ древнерусской жизни, блестящего взлета древнерусской государственности и культуры, напряженного поиска Русью своего места в мировом историческом процессе, время великих людей, великих событий, великих идей.

ISBN 978-5-227-03449-6

© Цветков С. Э., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Часть первая Распря Святославичей	5
Глава 1 Русь после гибели Святослава	5
Территориальные потери	5
Сыновья Святослава	6
Глава 2 Схватка за Полоцк	10
Ярополк и его ближнее окружение	10
Поход Владимира на Полоцк	12
Глава 3 Начало уособицы	15
Знамение	15
Летопись о гибели князя Олега Святославича	15
Причины распри Святославичей	18
Братья-христиане	23
Глава 4 Захват Владимиром Киева	28
Внешняя политика Ярополка	28
Владимир готовится к войне с братом	29
Поход на Киев	32
Убийство Ярополка	34
Часть вторая Княжение Владимира	38
Глава 1 Под покровительством богов	38
Шаги по упрочению власти	38
Религиозная реформа	38
Человеческие жертвоприношения	40
Варяги-мученики	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Эдуардович Цветков

Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого

Часть первая Распря Святославичей

Глава 1 Русь после гибели Святослава

Территориальные потери

Поражение Святослава в Болгарии обошлось недешево Русской земле. «Молодое поколение» русов, которое, по свидетельству Льва Диакона, Святослав увлек за собой на Балканы, почти целиком полегло под стенами болгарских и греческих крепостей; остатки, вместе с самим князем, погибли в столкновении с печенегами у днепровских порогов. То было отборное воинство, тысячи «цветущих здоровьем мужей», и эта потеря была невозполнима. Последствия не замедлили сказаться. В самое короткое время, истекшее после рокового лета 971 г., ряд обширных окраин был отторгнут от Русской земли вооруженной рукой, другие отложились от нее сами, воспользовавшись случаем.

Наибольший территориальный ущерб Русская земля понесла на своих западных границах, где ее соседом со второй половины X в. была Чехия, претендовавшая на наследство Великой Моравии. Чешский натиск на восток был стремителен. В 940—960-х гг. чешский князь Болеслав I Укротный (Грозный) захватил Моравию, Словакию и Краковскую землю. Согласно путевым запискам испанского еврея Ибрагима Ибн Якуба, посетившего в 965/966 г. Центральную Европу, Чехия «простиралась в длину от города Праги до города Кракова». В последующие восемь лет под руку наследника Болеслава I, Болеслава II (967—999), отошла и вся «русская» Галиция, а также Подолия с Червенскими городами (Львов, Червен, Белз и др.).

На некоторый, впрочем, весьма непродолжительный срок Чехия превратилась в одно из крупнейших государств Европы. Учредительная грамота Пражской (Чехо-Моравской) епископии засвидетельствовала, что около 973 г.¹ восточные границы этой епархии проходили по верховьям Западного Буга и Стири (правого притока Припяти)². Здесь пролегал этнический рубеж восточнославянской Руси – в этих местах сходились крайние западные пределы племенных земель белых хорватов и волынян³. Приближение чешских войск всколыхнуло часть местного населения. Волыняне сохранили верность Киеву, но хорваты вернули себе племенную независимость. Таким образом, в начале 70-х гг. X в. Киев утратил все приобретения на Карпатах, сделанные за четверть века до этого князем Игорем.

¹ До 973 г. Чехия входила в состав Регенсбургской архиепископии.

² Этот документ дошел до нас в списках конца XI в. Грамота 1086 г. пражского епископа Яромира-Гехбарда гласит, что Пражская епископия «имеет на востоке следующие границы: Буг и Стирь, а также город Краков и область под названием Ваг [Западная Словакия] со всеми территориями, относящимися к поименованному городу Кракову». Прежде многие историки относились к этому сообщению скептически, усматривая в нем откровенное измышление или в лучшем случае недоразумение. Однако «в настоящее время справедливо преобладает точка зрения, что Гехбард использовал актовые материалы X в. – вероятнее всего, как он и утверждает, учредительную грамоту Пражской (видимо, и Моравской) епископии, т. е. указанные границы соответствуют церковно-политической реальности ок. 973 г.» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 395).

³ См.: Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 271.

Еще одним восточнославянским племенем, отпавшим в 970-х гг. от Русской земли, были радимичи⁴. Сепаратистские настроения хорватов и радимичей объясняются, по-видимому, тем, что у этих племен сохранялась сильная прослойка родоплеменной знати, способная возглавить борьбу за этнополитическую обособленность.

Приблизительно в то же время на черноморском юге, в Крымской Готии, с даннической зависимостью от киевского князя покончили крымские «древляне» – готы-тервинги. По сообщению анонимной «Записки греческого топарха» (начало 990-х гг.), «варвары», обитавшие в «Климатах», то есть на земле Горного Крыма, издавна были подданными русов, однако с некоторых пор вышли из подчинения, «так как домогались более всего самостоятельного управления». Древнерусские предания о смерти Игоря и мести Ольги тоже хорошо запомнили стремление готов-«древлян» к политической независимости. И поскольку тогда, в середине X в., свободолюбивые притязания крымских готов пробудились в связи с убийством киевского князя (Игоря), то естественно предположить, что их вторичное отпадение от Киевской державы было вызвано схожей причиной (гибелью Святослава), и потому данное известие «Записки греческого топарха» следует датировать первой половиной 970-х гг.

Итак, внешние границы Русской земли трещали по всем швам. Но угроза полного государственного распада на сей раз была уравновешена естественным сдерживающим фактором – безоговорочным признанием со стороны большинства восточно-славянских и иных племен, входивших в состав Русской земли, легитимности власти «великого князя русского», киевского династа из рода Игоря. Упомянутый греческий топарх отметил, что в прежнее время (очевидно, в период княжения Ольги) «города и народы добровольно присоединялись» к русам вследствие их «бесстрастного и справедливого» управления.

Благодаря возросшей внутренней сплоченности Русской земли гибель Святослава стала важной вехой в древнерусской истории. Впервые за добрую сотню лет смерть князя «от рода русского» не повлекла за собой немедленно династических потрясений и посягательств со стороны на права великокняжеского киевского рода. Немалую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что Святослав был первым киевским князем, оставившим после себя многочисленное мужское потомство. Отныне будущее династии Игоревичей было упрочено на много столетий вперед.

Сыновья Святослава

Однако теперь политическому единству страны угрожала опасность другого рода, и опасность эта была тем серьезнее, что коренилась она в самой сущности властных отношений между представителями владетельной династии.

Политической культуры как таковой на Руси еще не существовало. В основе «княжого права»⁵ лежало понятие семейного владения. Члены княжеской семьи – великий князь и его сыновья – понимали свое обладание киевским столом как семейную прерогативу на собственность (в виде полюдья и даней), переходящую из рук в руки по праву наследования. Княжение приобреталось наследованием по отцу⁶. Но и при жизни последнего наследник великокняжеского стола, а также его братья, если таковые были, имели свою долю в этом общем владении.

⁴ Факт отпадения радимичей и хорватов от Киева после гибели Святослава устанавливается по дальнейшим летописным сообщениям, согласно которым Владимиру в 80—90-х гг. X в. пришлось заново приводить эти племена к покорности.

⁵ Термин А.Е. Преснякова, понимавшего под княжим правом «совокупность обычно-правовых норм, возникавших... в сфере деятельности княжих сил, независимой от общего уклада народной жизни» (Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетия. СПб., 1909. С. VI).

⁶ В том случае, если у отца не было братьев, которые имели преимущество в деле наследования княжения перед своими племянниками. Далее мы увидим, что были и другие основания к замещению княжеских столов. Но они возникали по мере разветвления великокняжеского рода и усложнения социально-политической жизни Древней Руси. В исторической действительности второй половины X в. им еще не было места.

Их долевое участие в княжении обеспечивалось путем посажения княжих детей по волостям. По сути, это был «семейный раздел, такой же, как раздел дома по отцовскому ряду согласно Русской Правде»⁷.

Поскольку князь не был собственником общинных земель, то и наделение княжича волостью (крупным городом с сельской округой) не имело ничего общего с земельным пожалованием. Ему предоставлялось право *кормления* – сбора в свою пользу с местного населения полюдья или дани, судебных пошлин и т. д. Политическая власть князя-отца над сыновьями–владельцами волостей была продолжением власти родовой, семейной, а потому отношения детей-княжичей к отцу-князю определялись семейным правом, в силу которого дети состояли в подчинении воле родителей. Это подчинение «выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владетельными князьями. Если... им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли ею в качестве посадников князя-отца, а не самостоятельных владельцев»⁸. В результате между князем-отцом и его детьми возникала своеобразная форма сюзеренитета, при которой вассальные связи целиком совпадали с отношениями семейной иерархии⁹.

Первый пример подобного раздела известен по сообщению Константина Багрянородного, что во время княжения Игоря малолетний Святослав сидел в загадочном «Немогарде». Сам Святослав, будучи многодетным отцом, перед последним походом на Балканы выделил своим сыновьям уже несколько волостей. На киевском столе он посадил Ярополка, в Овруче (город в Древлянской земле, на правом берегу Днепра) – Олега. Новгородцы заполучили себе в князья Владимира, внеся важное новшество в порядок получения княжеского стола (избрание, или приглашение князя) и, главное, соединив наконец историю словенского севера с историей Русской земли. Как можно догадываться по сообщениям византийских историков, в Таврической Руси Святослав оставил четвертого своего сына, Сфенга, о котором Иоанн Скилица и Георгий Кедрин пишут, что этот «брат Владимира» в 1016 г. помог Византии восстановить ее власть над крымскими землями¹⁰ (речь об этом впереди).

В год гибели Святослава (971) все четверо Святославичей были еще отроками или только что вступили в возраст мужества. Наши летописи, знающие только Ярополка, Олега и Владимира, отдают старшинство Ярополку и называют Владимира его «меньшим» братом, не поясняя, впрочем, был ли он старше или младше Олега; одна Иоакимовская летопись считает последнего «юнейшим» из троих братьев¹¹.

Мы не можем вполне довериться этой довольно-таки неопределенной родословной, хотя бы по той причине, что древнерусские летописцы пребывают в совершенном неведении относительно точных дат рождения всех троих сыновей Святослава¹². Строго говоря, возрастное

⁷ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С. 154.

⁸ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. В 3 т. СПб., 1890–1903. Т. II. С. 121–122.

⁹ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 532.

¹⁰ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 384; Мавродин В.В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 178.

¹¹ См.: Татищев В.Н. Собр. соч. В 8 т.: История Российская. М.; Л., 1962–1964 (репринт: М., 1994–1995). Т. I. С. 111.

¹² Либо отводят им непомерно долгие сроки жизни. Так, поздний Пискаревский летописец под 6488/980 г. замечает: «Бысть княжения Ярополча 50 лет...», то есть относит его рождение к первой четверти X в. О Владимире Переяславско-Суздальская летопись (XIII в.) говорит, что он прожил 73 года. Отсчитывая их от года его смерти (1015), получаем 942 г., под которым в Повести временных лет значится рождение его отца. Эти записи, по-видимому, принадлежат к той летописной традиции, которая стремилась устранить очевидную нелепость хронологических сообщений Повести временных лет, касающихся жизни князя Игоря, путем более ранней датировки рождения его первенца – Святослава и соответственно Игоревых внуков. Например, В.Н. Татищев опирался на какой-то утраченный ныне источник, где рождение Святослава было отмечено 920 г. вместо 942 г. О.М. Рапов посчитал возможным принять татищевскую дату, а вместе с ней и сведения Переяславско-Суздальской летописи о 73 годах жизни Владимира на том основании, что эти биографические данные якобы согласуются с известием германского хрониста начала XI в. Титмара Мерзебургского, по которому Владимир умер «отягченный годами» (Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 157–158), или, в другом переводе, «глубоком

старшинство Ярополка над его братьями обосновано в летописи задним числом – по тому обстоятельству, что именно он был посажен отцом в Киеве, «старейшем» (главном) городе Русской земли. Помимо этого, у нас есть лишь одно косвенное указание, к тому же легендарного характера, имеющее отношение к возрасту Ярополка. По преданию, Святослав дал ему в жены захваченную на Балканах прекрасную гречанку – монахиню или, быть может, послушницу: «...у Ярополка жена грекини бе, и бяше была черницею, юже бе привел отец его Святослав и вда ее за Ярополка, красы дея лица ея» (Ипатьевская летопись).

На территорию Византии войско Святослава вторглось лишь однажды, в ходе кампании 970 г., следовательно, только тогда оно и могло на время завладеть каким-то византийским монастырем. Казалось бы, мы вправе предположить, что в 970 г. Ярополк достиг по крайней мере пятнадцати лет – возраста, достаточного для вступления в брак, согласно понятиям эпохи. Но история с женой-гречанкой имеет все признаки легендарного происхождения, о чем у нас еще будет повод сказать подробнее. Ввиду всего этого в нашем распоряжении остается последний более или менее неоспоримый аргумент, а именно бездетность Ярополка на момент его смерти в 978 г. (по хронологии автора XI в. Иакова Мниха, отличающейся большей точностью, сравнительно с датой Повести временных лет, где смерть Ярополка отмечена под 980 г.), и данное обстоятельство, скорее всего, свидетельствует о том, что он погиб, едва достигнув семнадцати-восемнадцати лет. Поэтому с наибольшей долей вероятности время рождения Ярополка приходится на 960–961 гг.

Относительно Владимира Повесть временных лет в Лаврентьевской редакции сообщает, что его вокняжение в Новгороде (970/971) произошло в пору несовершеннолетия: «Володимеру сущю Новегороду, детьску сущю еще...» Уточнить эти сведения позволяет предание Никоновской летописи (XVI в.) о ссоре княгини Ольги с Малушей, матерью Владимира. Напомню, что связь Святослава с княжей рабой (то ли «милостницей», то ли «ключницей») вызвала гнев Ольги, которая отослала беременную Малушу в какое-то дальнее село. Это известие корректируется, с одной стороны, обоснованной гипотезой о намерении Ольги в 957 г. женить Святослава на византийской принцессе, с другой – хронологическими расчетами биографии Святослава, из которых следует, что примерно в то же время сын Ольги вступил в совершеннолетний возраст (пятнадцать–семнадцать лет), после чего неограниченная власть матери над его личной жизнью должна была кончиться. Отсюда напрашивается вывод, что близкие отношения Святослава с Малушей имели место где-то между 955 и 958 гг., каковой временной промежуток, по всей видимости, и должен служить началом отсчета жизни Владимира¹³.

И коль скоро Святослав обрел самостоятельность около 957/958 г., уже после разлуки с Малушей и неудачного сватовства к византийской принцессе, логично думать, что примерно тогда же он и заключил свой первый законный брак. То есть, как и было сказано, его второй по счету (и первый, рожденный в законном браке) сын Ярополк, вероятнее всего, появился на свет между 960 и 962 гг.

Итог наших рассуждений таков, что мы скорее склонны признать старшим Святославищем Владимира, который, судя по всему, опережал Ярополка несколькими годами. Передача же Киева Ярополку исчерпывающе объясняется тем обстоятельством, что Владимир был «роби-чичем», сыном рабыни, и потому не годился на роль главы рода.

стариком». Однако это всего лишь фигуральное выражение. В другом месте своей «Хроники» Титмар говорит иначе: «умер в преклонных летах» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 2000. С. 319). Очевидно, что преклонные годы и глубокая старость – не одно и то же.

¹³ Рождение в середине – второй половине 950-х гг. между прочим позволяет Владимиру умереть в 1015 г. в «преклонных летах», как и свидетельствует Титмар, то есть около шестидесяти лет – возрасте по тем временам весьма почтенном. Немецкий проповедник Бруно Кверфуртский, видевший Владимира за семь лет до его смерти (в 1008 г.), мимоходом отметил, что князь легко «спрыгивал с коня на землю». Подобное проворство вполне вероятно для человека пятидесяти с небольшим лет, но вряд ли оно могло отличать «отягченного годами» старика.

О двоих других сыновьях Святослава можно сказать еще меньше определенного. Олег, вероятно, и в самом деле был младше Ярополка, почему и получил на покорм не Киевскую, а Древлянскую землю.

Что касается Сфенга, то допустимо видеть в нем сына Святослава от представительницы какого-то знатного рода таврических русов или, возможно, от касожской или ясской княжны. Тогда его появление на свет следует датировать 965–967 гг. – временем пребывания Святослава в Тмуторокани и на Северном Кавказе. В этом случае Сфенг действительно мог к 970 г., когда Святослав делил столы между сыновьями, пройти обряд «постригов», совершаемый над трех-пятилетними княжичами, и тем самым приобрести право на княжение в Таврической Руси, а также быть активным действующим лицом международной политики в 1016 г.

Со смертью Святослава Русская земля (включая теперь и территорию новгородских словен) превратилась в своего рода семейный союз, основанный на кровнородственных связях четырех братьев, представителей династии. При отсутствии живого отца отношения между братьями регулировал родовой принцип *старейшинства*, который заключался в том, что Ярополка, сидевшего на «отнем столе», остальные Святославичи должны были чтить «в отца место», то есть как родителя. Фактически по отношению к старейшему брату, киевскому князю, прочие братья продолжали числиться подчиненными ему «посадниками», обязанными выплачивать дань в дни мира и оказывать силовую поддержку в случае войны. Так, про сына Владимира князя Ярослава, посаженного позднее отцом в Новгороде, известно, что он должен был платить ежегодный «урок» Киеву в 2000 гривен; «и тако даху вси [прежние] посаднице новгородстии», – добавляет летопись (статья под 1014 г.). Из этих слов можно заключить, что ранее то же самое правило распространялось на самого Владимира – первого киевского посадника в Новгороде.

Единство страны, обеспечиваемое подобным образом, было конечно же чисто формальным. Принцип старейшинства был скорее морально-этической нормой, нежели правовым установлением. Общеизвестного политического прецедента, который помог бы Святославичам выстроить их отношения на основе государственного права, не существовало. Семейное же право не давало никаких преимуществ старшему брату перед другими¹⁴.

Чтить старшего брата «в отца место» было *естественно* и похвально, но этого требовала традиция, а не закон, поэтому на деле послушание меньших братьев старейшему покоилось исключительно на их доброй воле. Хрупкость семейно-иерархических связей между братьями после смерти отца вела к ослаблению и практически полному разрушению системы политического вассалитета.

Таким образом, распределение столов между сыновьями Святослава открывало путь к дроблению Русской земли на ряд независимых друг от друга княжеств. Для того, чтобы собрать их вновь в одно государственное целое, нужно было уничтожить сам факт раздела, а сделать это можно было только посредством кровавой братоубийственной борьбы.

¹⁴ См.: Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. С. 30.

Глава 2 Схватка за Полоцк

Ярополк и его ближнее окружение

Приступая к рассмотрению краткого княжения Ярополка, следует помнить, что его совершеннолетие, как мы выяснили выше, скорее всего, пришлось на 974/975 или 976/977 гг. Повесть временных лет косвенным образом подтверждает эти расчеты, делая Ярополка героем лишь тех событий, которые датируются серединой – второй половиной 970-х гг. Следовательно, реальная власть поначалу находилась в руках ближнего окружения молодого князя.

Кто были эти люди?

Первым делом в поле нашего зрения попадают две фигуры, которые мы находим в летописи рядом с Ярополком, – воевод Свенгельда и Блуда. Первому из них отведена ключевая роль в распре между Ярополком и Олегом (статьи под 975 и 977 гг.), второму – в свержении и убийстве Ярополка Владимиром (статья под 980 г.). С их именами связан давний историографический спор. Дело в том, что естественную мысль о последовательном замещении одного воеводы другим (Свенгельда – Блудом, после вероятной смерти старого вояки во второй половине 70-х гг. X в.) нарушает стоящее особняком известие Новгородской I летописи, где Блуд упоминается в качестве воеводы Ярополка уже в 972 г., то есть еще при жизни Свенгельда.

Но могло ли быть так, чтобы при Ярополке находились сразу два воеводы?

Со стороны ряда ученых подобная возможность вызвала решительное отрицание, в связи с чем были предприняты попытки исключить либо одного, либо другого воеводу из истории междоусобной брани Святославичей. Впрочем, во всех случаях выдвинутая система доказательств оставляет желать лучшего¹⁵.

¹⁵ Например, по А.А. Шахматову, у Ярополка был только один воевода – Блуд, но в процессе переработки текстов статей 6483/975 и 6485/ 977 гг. позднейшими редакторами Повести временных лет его имя было заменено именем Свенгельда (см.: *Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 234, 242, 354–357, 364). Многие исследователи до сих пор сочувственно высказываются об этой гипотезе, считая ее «текстологически достаточно убедительной» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. М., 2000. С. 364). Однако не стоит забывать, что Шахматов вымарывал имя Свенгельда из статей под 975 и 977 гг., будучи увлечен своей концепцией причастности этого воеводы к убийству Игоря, от которой, под воздействием аргументированной критики, впоследствии отказался. Дальше всех по пути отрицания известий летописи пошел А.Л. Никитин, который усомнился в реальности обоих сподвижников Ярополка. Историческая «избыточность» фигуры Свенгельда для хода событий 970-х гг. проявляется, по мнению исследователя, прежде всего в том, что летописная «история Свенельда оказывается слишком растянутой во времени. Даже если предположить, что в 920–925 гг., когда с наибольшей вероятностью родился Игорь, Свенельду было уже 30 лет, к моменту поражения Святослава у Доростола ему оказывается не менее 75 лет, тогда как к моменту убийства Олега «древлянского» ему идет уже девятый десяток – вещь совершенно невероятная для активно действующего воеводы X в.» (*Никитин А.Л. Основания русской истории*. М., 2001. С. 229). Этот «возрастной» аргумент исследователя откровенно слаб, поскольку основан на произвольном предположении, что Свенгельду должно было исполниться тридцать лет именно к моменту рождения Игоря, хотя ничто не препятствует думать, что воевода разменял свой четвертый десяток, например, к тому времени, когда Игорь достиг совершеннолетия, то есть в конце 930-х гг. А может быть, ему тогда было лет двадцать пять... Словом, мы не знаем точно, в каком именно возрасте Свенгельд участвовал в обороне Доростола и сколько лет ему могло быть в 975 г., когда, согласно Повести временных лет, он направлял Ярополка на Олега, а потому вывод о его старческой немощи в 70-х гг. X в. повисает в воздухе. В летописи имеется неоспоримый пример государственного и ратного долголетия: сообщение под 1106 г. о смерти маститого старца, воеводы Яна, прожившего добрых девяносто лет. Другой довод Никитина о непричастности Свенгельда к событиям 975–977 гг. состоит в том, что к этому времени его уже просто не было в живых. Опорой исследователю служит известие Льва Диакона о знатном русе Сфенкеле/Сфангеле, который, наряду с князем Святославом и неким Икмором, был одним из предводителей русского войска, осажденного ромеями в Доростоле (аналогичное сообщение есть и у Скилицы). Считая Сфенкела и Свенгельда одним и тем же лицом, Никитин полагает, что жизнь Свенгельда/Сфенкела оборвалась в 971 г., за два дня до заключения мира с греками, как о том пишет Лев Диакон. Дальнейшее его участие в борьбе Ярополка с Олегом уже «принадлежит литературе, а не истории» (*Никитин А.Л. Основания русской истории*. С. 226, 229–230). Очевидно, что, отождествляя Свенгельда с погибшим в бою Сфенкелом, Никитин в корне подрывает свой собственный тезис о «старческой» недееспособности Свенгельда в 970-х гг. Но это так, к слову... На наш взгляд, идентичность Сфенкела из «Истории» Льва Диакона и летописного Свенгельда не только возможна, но даже весьма вероятна. Однако из этого следует только то, что сообщение Льва Диакона о смерти

Со своей стороны берусь утверждать, что в упоминании летописью двух воевод Ярополка нет никакого противоречия. Русские князья всегда чтили и держали при себе «отних мужей», ближних дружинников умершего отца. Многочисленные примеры тому предоставляет летопись. В 1096 г. великий князь Святополк Изяславич предложил черниговскому князю Олегу Святославичу положить «поряд о Рустей земле пред епископы и пред игумены и пред *мужи отец наших*». В 1182 г. у Владимира Всеволодовича был воевода Дорожай, «отнь слуга» и т. д. Так и Свенгельд, этот «воевода отень» (статья под 971 г.), в продолжение своей долгой жизни переходил служить поочередно от Игоря к Святославу, от Святослава к Ярополку. Но у последнего был и собственный воевода – Блуд, которого, по всей видимости, приставили к несовершеннолетнему Ярополку при посажении его в 970 г. на киевский стол. Эти соображения, как мне представляется, вполне удовлетворительно разрешают загадку двух воевод Ярополка.

В летописи нет достаточных данных для того, чтобы можно было определить точные размеры властных полномочий обоих воевод при взрослеющем князе, и вряд ли оправданно считать их «опекунами» и даже «соправителями» малолетнего Ярополка, всесильными регентами, как это делают некоторые историки. Согласно летописному тексту, Свенгельд и Блуд только подталкивают Ярополка к совершению тех или иных действий, но никак не диктуют ему свою волю. О «послушании» им молодого князя нет и речи. Вероятно, они имели свой голос в княжем совете, в остальном же их властные прерогативы не выходили за пределы традиционных функций русских воевод: «управлять войсками, нападать на врагов и замещать князя у его подданных» (сообщение Ибн Фадлана).

Говорить от имени несовершеннолетнего великого князя и «всего княжения» имели право только взрослые родственники Ярополка, члены великокняжеского рода. Многочисленная родня «великих князей русских» попала в поле зрения источников лишь однажды – в период правления Игоря. Это – «боляре» из договора Игоря с греками 944 г., они же – «архонты», отправлявшиеся в полюдье вместе с Игорем и славшие в Царьград своих «послов» для ведения торговых операций и деловых переговоров с василевсами, как явствует из сооб-

Сфенкела нужно признать ошибочным, поскольку Свенгельд упоминается в договоре Святослава с греками, а официальный документ по части достоверности все же имеет преимущество перед хроникой, составленной частным лицом, которое к тому же не было непосредственным очевидцем событий. Никитин, естественно, ставит под сомнение достоверность упоминания Свенгельда в договоре 971 г., подозревая в этом месте летописи редакторскую правку более позднего времени, которая «скорее всего может быть объяснена заменой стоявших здесь в подлиннике имен Сфенкела и Икмора...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 230). Здесь исследователь уже совершенно перестает следить за логикой своих рассуждений: полностью доверяя известию Льва Диакона о гибели Сфенкела до подписания договора, он тем не менее допускает присутствие его имени в «подлинном» тексте этого документа. Кстати, Икмор тоже погиб до заключения мира. Вообще мысль о намеренной фальсификации летописцами официального дипломатического документа нельзя назвать удачной. Устранение из летописного текста другого воеводы, Блуда, Никитин производит на том основании, что далее в летописи под 1018 г. упоминается княжий воевода Буды, участник сражения князя Ярослава с поляками на Буге. «Имя воеводы Ярослава – Буды/Будый, – пишет Никитин, – которое, как и производные от него, широко представлены в «Славянском именослове» М. Морощкина, позволяет предполагать, что мы имеем дело с реальной исторической фигурой. Это, в свою очередь, заставляет усомниться в реальности «воеводы Блуда» ст. 6488/980 г., созданного по образцу «Будыя» и действующего в соответствии со своим именем», ибо, развивая в другом месте свою мысль исследователь, «трудно предположить реальность человека по имени «Блуд», единственной функцией которого является передача Киева и Ярополка в руки Владимира...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 258, 259). Смешение в статьях под 980 и 1018 гг. имен «Буды/Будый» и «Блуд» действительно наблюдается в ряде летописных списков Повести временных лет. Вероятно, это произошло вследствие того, что некоторые редакторы и переписчики Повести посчитали обоих воевод одним и тем же лицом (и, кстати сказать, временной разрыв в 38 лет между упоминанием одного и другого не препятствует такому отождествлению). Однако поставить знак равенства между Будыем и Блудом едва ли возможно. Имена эти имеют различную семантику, что исключает предположение Никитина о «создании» летописцем мифического воеводы Блуда по образцу «реального» Будыя. Наличие в древнерусском именослове имени Блуд, не являющегося аналогом «Будыю», засвидетельствовано, помимо летописной статьи 980 г., былинной о Хотене Блудовиче и названием Блудовой улицы в Новгороде. Судя по тому, что мать «Хотинушки Блудовича» носит в былинах прозвище «вдовы честной Блудовой жены», имя Блуд не имело скабрезного, отрицательного смыслового оттенка («развратный человек»), а состояло в связи с корнем «блуд» в значении «блуждать, странствовать». Таким образом, отпадает и подозрение Никитина о том, что воевода Блуд, предатель Ярополка, – это всего лишь литературный герой с нарицательным именем, вроде столь любимых русской литературой XVIII – начала XIX в. Правдиных, Стародумов, Скотининых, Скалозубов и тому подобных персонажей.

щений Константина Багрянородного. Возможно, в договоре Святослава с Цимисхием «бояре» также означают родственников русского князя, хотя утверждать наверняка здесь ничего нельзя.

Во всяком случае, очевидно, что в 70-х гг. X в. родственное окружение великих князей не вымерло вдруг, и, например, Скилица в связи с событиями начала XI в. упоминает «какого-то сородича» князя Владимира, по имени Хрисохир («Щедрая рука»). Об этом нужно помнить, знакомясь с попавшими в летопись древнерусскими преданиями, представляющими детей Святослава по большей части одинокими героями, как того и требуют драматические законы жанра. Впрочем, и русские люди хорошо запомнили Владимирову уя (дядю по матери) Добрыню.

Поход Владимира на Полоцк

Именно межклановое соперничество княжеской родни, ревниво оберегавшей престиж «своих» князей, привело к первому столкновению, – правда, пока еще на чужой земле.

Подробности его читаем в предании о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде. В Повести временных лет оно входит в статью под 980 г., где излагается история и трагический исход противостояния Ярополка и Владимира, однако «полоцкий эпизод», безусловно, должен занять место среди более ранних событий. Для этого хронологического сдвига есть по крайней мере три серьезных основания.

Во-первых, по известию Лаврентьевской летописи, где предание о Владимире и Рогнеде сохранилось в наиболее полном виде (статья под 1128 г.), появление новгородских сватов в Полоцке относилось к тому времени, когда Владимир был еще «детьску сущу» (впрочем, и не настолько «детьску», чтобы его возраст помешал ему силою «поять» Рогнеду).

Во-вторых, полоцкий поход явно нарушает логическую последовательность развертывания событий. Вспомним: Олег гибнет в борьбе с Ярополком; Владимир, убоявшись Ярополка, бежит «за море». Затем, вернувшись с «варягами» в Новгород, он изгоняет посадников Ярополка, шлет брату грозное предупреждение: «Володимир идет на тя, пристраивайся противу битися», после чего... делает предложение Рогнеде и, получив отказ, отправляется громить Полоцк. Очевидно, что полоцкий поход должен был предшествовать другим событиям.

И последнее. Речная навигация на Руси открывается в апреле – мае. По сведениям Иакова Мниха, 11 июня с Ярополком было уже покончено. На ведение переговоров о браке и попутный захват Полоцка у Владимира просто не остается времени.

По совокупности этих наблюдений мы должны признать полоцкий фрагмент в составе статьи под 980 г. очевидной вставкой и датировать его довольно кратким промежутком времени, между началом самостоятельного княжения сыновей Святослава (971) и 973/974 г., но не позже, по причинам, которые станут ясны из дальнейшего.

Суть «полоцкого дела» дошла до нас в следующем виде.

Княжение в Полоцке держал пришедший «из заморья» князь Рогволод, «а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю еще и погану, и бе у него Добрына, воевода его, храбор и наряден [тот, кто *на ряде*, то есть в головах, начальниках] муж; сей посла к Роговолоду и проси у него дщере [его] за Володимера». Однако к тому времени в Полоцке уже побывали киевские сваты: «В се же время хотяху вести Рогнедь за Ярополка».

Рогволод предоставил выбирать жениха самой дочери: «он же рече дщери своей: хочещи ли за Володимера; она же рече: не хочю розути робичича [сына рабыни], но Ярополка хочю». Владимир «разгневался о той речи» и «пожалиси» Добрыне (ответ Рогнеды оскорблял не только «робичича» Владимира, но и его дядю, брата «рабыни» Малуши). Тот «исполнися ярости, и поемше вой идоша на Полтеск, и победиста Роговолода». Полоцк был взят, вся княжеская семья попала в руки Добрыни и Владимира. В поношение Рогволоду и его гордычке-дочери Добрыня «нарек» последнюю «робичицей» и «повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и

матерью», то есть приказал племяннику изнасиловать Рогнеду на глазах у ее родителей; «потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Горислава» (Лаврентьевская летопись, под 1128 г.). Ипатьевская и Иоакимовская летописи добавляют, что вместе с Рогволодом были убиты два его сына.

Таково предание, причем достаточно древнее, судя по отсутствию в нем «варягов» – термина, появившегося не ранее первой трети XI в.¹⁶ Явственно просматривается его близость двум популярным фольклорным мотивам: «добывания невесты» и «укрощения строптивой невесты»¹⁷.

Как все это соотносится с историей? Археологические раскопки Полоцка показали, что город сложился в IX–X вв. на основе местного племенного центра кривичей, расположенного в гуще сельских поселений. Существование у полочан княжеской власти подтверждается наличием крепостного детинца, к которому прилегал городской посад¹⁸. Княжеская династия утвердилась в городе мирным путем, вероятно на началах избрания или приглашения – в пользу этого говорит тот факт, что снос общинного племенного центра, на месте которого возник княжий детинец, не носил характера военного разрушения¹⁹. Но сама княжеская крепость Полоцка, как и повествует предание о Владимире и Рогнеде, во второй половине X в. подверглась разгрому, ее культурный слой этого времени хранит отчетливые следы сильного пожара²⁰.

Таким образом, князь Рогволод, по-видимому, – лицо историческое, и сам факт его княжения в Полоцке не вызывал споров среди историков. Зато его происхождение «из заморья» всегда давало повод к разногласиям. Ученые норманнской школы предпочитали видеть в нем обосновавшегося в Полоцке шведского конунга, «истинное» имя которого было Рёгнвальд/Рагнвальд (Ragnvaldr). Но за их аргументацией не стоит ничего, кроме случайного созвучия имен. Корневая основа «волод», давшая жизнь многим славянским именам, в том числе сложносоставным (Володарь, Всеволод, Беловолод, Владислав, Владимир и др.), имеет вполне ясную славянскую этимологию – «владеть», «обладать», «властвовать». Характерно, что в скандинавских сагах славянское имя Всеволод переименовано в «Виссавальд», но примеры обратного переделывания германского «вальд» в славянское «волод» неизвестны. Вместе с тем имена Рох, Роуг, Рохослав, Роховлад зафиксированы у западных и южных славян (чехов, сербов) еще в VIII в., и, стало быть, они появились в славянском именослове без какого-либо участия скандинавских конунгов. Точно так же и имя Рогнеда встречалось преимущественно в славянской среде, где оно имело форму Рогнедь/Рожнеть (у чехов – Rozneta, Roznet). Например, в Новгородской I летописи читаем: «В лето 6643. Заложил той же князь Всеволод Святую Богородицу на Торгу, а Рожнеть [видимо, сестра или жена Всеволода] Святого Николу на Яковлевой улице». В этой же связи обращает на себя внимание Рожне поле, фигурирующее в летописи под 1099 и 1144 гг. – и не где-нибудь в Скандинавии, а неподалеку от Теребовля.

Для окончательного прояснения этнического происхождения семейства Рогволода полезно припомнить слова Рогнеды: «не хочу розути робичича». Широкое бытование свадебного обряда разувания жениха на Руси надежно засвидетельствовано многими источниками. Между тем у германцев жених должен был одарить невесту обувью, то есть германский свадебный обычай делал упор на *обутье невесты*, тогда как древнерусский – на *разутые жениха*.

Характерные этнографические признаки проступают также в сказании о неудачной мести Рогнеды. После того как Владимир, став киевским князем, «поя ины жены многи», Рогнеда

¹⁶ В летописной статье под 980 г. «варяги» сопутствуют Владимиру в его походе на Полоцк и Киев. Здесь видна рука позднейшего редактора, и это служит еще одним аргументом в пользу того, что в древнейшем летописном тексте «полоцкое сказание» предшествовало рассказу о захвате Владимиром Киева.

¹⁷ Аличков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003 (репринт: СПб., 1914). С. 201.

¹⁸ Седое В.В. Восточные славяне в древности. С. 243.

¹⁹ См.: Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 123.

²⁰ См.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 219.

«нача негодовати» на него. Однажды, когда муж ее уснул, она попыталась зарезать его спящего. Однако Владимир в последний миг проснулся и схватил занесенную над ним руку с ножом. Преступница стала молить о милости, но Владимир приказал ей готовиться к казни, которую решил свершить собственноручно: «и повеле ей устроиться во всю тварь царскую [княжеские одежды]... и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть [пронзит мечом] ее...» Тогда Рогнеда подучила своего маленького сына Изяслава внезапно войти в комнату с обнаженным мечом в руке и напомнить отцу, что *он здесь не один*. Владимиру не хватило духу прикончить мать на глазах у сына – «и поверг меч свои; и созва боляры, и поведи им». Бояре посоветовали ему отослать Рогнеду и Изяслава с княжеского двора. «Володимер же устрои город и дал има, и нарече имя городу тому Изяславль».

Эта история целиком выдержана в духе славянских правовых представлений дохристианской эпохи. В Житии святого Адальберта-Войтеха есть схожий эпизод казни неверной жены одного из чешских бояр. Мужу ее надлежало самому исполнить приговор, как того требовал *more barbarico*, то есть «варварский» (в данном случае древнеславянский, языческий) обычай, кстати, просуществовавший в Чехии до XIV в. Таким образом, намереваясь покарать Рогнеду, Владимир лишь подчинялся славянскому языческому обычаю, на что указывают между прочим торжественные приготовления к казни и объяснение Владимира с боярами по поводу неисполнения им смертного обряда.

Итак, стоит только перестать тревожить попусту тени викингов, как все встает на свои места, и летописное «заморье», откуда пришел Рогволод, оказывается не чем иным, как славянским берегом Балтики. Предания самих же германских народов недвусмысленно указывают на то, что в Полоцке правила пришедшая династия князей из славянского Поморья. В «Деяниях данов» Саксона Грамматика (вторая половина XII – начало XIII в.) датские конунги VIII–IX вв. ведут ожесточенные войны с князьями «рутен» (поморских славян), во владении которых находятся многие области Восточной Прибалтики, а также Полоцкая земля. Сношения потомков Рогволода со славянским Поморьем прослеживаются и в более позднее время. По сведениям В.Н. Татищева, который в данном случае сослался на летопись Еропкина, полоцкий князь Борис Давидович около 1217 г. женился на Святохне, дочери поморского князя Казимира, которая, как оказалось впоследствии, замышляла подчинить Полоцк Поморью.

Как видно из древнерусского сказания, Полоцк пал жертвой соперничества Ярополковой и Владимировой родни. О Ярополковых послых сказано, что они «хотяху вести Рогнедь» за своего князя. Влияние Добрыни на Владимира проступает еще более рельефно: именно он выступает инициатором сватовства, организует поход на Полоцк и приказывает Владимиру обесчестить Рогнеду. Политическая сторона дела при этом остается в тени, но, видимо, и Киев, и Новгород стремились войти в союзные отношения с Полоцком – важным стратегическим и торговым центром Западного Подвинья. По сообщению Иоакимовской летописи, непосредственным следствием договоренности Киева и Полоцка о заключении династического брака была враждебная выходка Рогволода против Новгорода, которая и вызвала ответный поход Владимира на Полоцк: «Владимир... иде на полоцкого князя Рохволда, зане тот повоева волости новгородские»²¹. Похоже, для Словенской земли вопрос лояльности полоцких князей имел первостепенное значение, чем, по всей видимости, и объясняется болезненная реакция Владимира и Добрыни на отказ Рогнеды стать женой новгородского князя.

Полоцкая трагедия стала прелюдией к беспощадной схватке за первенство между тремя Святославичами.

²¹ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 111.

Глава 3 Начало усьобицы

Знамение

Летом 975 г. умы людей в разных концах света были смущены необычным видением на небе: «В это время, в начале августа месяца, явилась на небе удивительная, необыкновенная и превышающая человеческое понятие комета. В наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небе. Она восходила на зимнем востоке и, поднимаясь вверх, высясь, как кипарис, достигала наибольшей высоты, а потом, тихо колеблясь, испуская блестящие и яркие лучи и являясь чем-то полным страха и ужаса для людей. Быв усмотрена, как сказано, в начале августа, она совершала свой восход в продолжение целых 80 дней, будучи видима от полудня до самого белого дня».

Льву Диакону, которому принадлежат эти строки, подобно многим другим, казалось, что комета появилась не на добро, предвещая «страшные мятежи, нашествие народов, междоусобные брани, переселение городов и стран, голод и моровые язвы, ужасные землетрясения и почти совершенную гибель Римской империи, как мы убедились из последовавших затем событий».

Русские летописцы также отметили это небесное явление (правда, ошибочно поместив его под 979 г.): «Того же лета быша знамение в луне, и в солнце и в звездах и быша громи велици и страшни, ветри сильны с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским [полевым]» (Никоновская летопись). Как оказалось, «знамение» не сулило ничего хорошего и Русской земле.

Летопись о гибели князя Олега Святославича

Повесть временных лет начинает историю княжения сыновей Святослава рассказом о первой жертве семейного раздела княжеских столов – древлянском князе-посаднике Олеге (статьи под 975–977 гг.).

Однажды ему донесли, что в его охотничьих угодьях появился сын Свенгельда («Свенальдич»), именем Лют²², который, выехав из Киева на «ловы», «гна по звери в лесе», пока волей или неволей не нарушил границы «Деревьской земли». Олег убил браконьера. «И о том бысть межю ими ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свенальд: «Поиди на брат свои и прими волость его», хотя отмстити сыну своему»²³.

²² Вероятно, уменьшительное от Лютобор – имени, известного у чешских хорватов (ср. также со славянским племенным этнонимом «лютичи»). Норманистам чудится в Люте искаженное скандинавское имя Ljot, Loti (см., напр.: Поппэ А. Князь Владимир как христианин // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 71).

²³ В более ранней статье под 6453/945 г. о мести Ольги имеется выражение «Свенельд, тоже отец мьстишин», из чего обыкновенно делался вывод, что у Свенгельда был еще один сын – Мстиша/Мстислав. Однако А.Л. Никитин, вслед за А. Поппэ, предлагает считать это место испорченным текстом: «Вероятнее всего, в указанной фразе следует читать первоначальное или «тоже отец мсти сына», или же «тоже отец мести», последствия чего мы и обнаруживаем в сюжетах о борьбе Олега и Ярополка» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 42, 229; Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. Сборник статей. М., 1974. С. 84).

*Убийство Люта древлянским князем Олегом Святославичем.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

Свенгельд добивался правды в полном соответствии с законом русским: «Убьеть муж мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, *любо отцю сына...*» Видимо, поэтому речи воеводы в конце концов были услышаны: «Поиди Ярополк на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и ополчистася». Однако в бою Олег не устоял и побежал «с вой своими в град, рекомый Вручий [Овруч]». Путь к городским воротам лежал через мост, перекинутый надо рвом. Преследуемые беглецы ринулись по нему всем скопом, тесня и сбрасывая друг друга в ров. Вместе со многими простыми воинами спихнули вниз и Олега. Под тяжестью придавивших его людей и лошадей князь задохнулся (по сведениям Иакова Мниха, мост, не выдержав тяжести, рухнул и придавил Олега во рву).

Ярополк, войдя в город, не нашел среди пленников брата. На вопросы о его судьбе один древлянин сказал: «Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту». Тогда Ярополк послал людей искать брата во рву, «и влачиша трупье из гробли [рва] от утра и до полудне». Тело Олега, найденное под горами мертвецов, вытащили и положили на ковре. «И приде Ярополк, над нем плакася, и рече Свеналду: «Вижь [смотри], сего ты еси хотел!»

*Бегство древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

*Гибель древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

И погребоша Ольга на месте у города Вручюга, и есть могила его и до сего дне у Вручюга». Ярополк же «перее власть [волесть]» брата своего.

Фраза о могиле Олега, существующей «и до сего дне» (это выражение характерно для статей Повести временных лет, подвергшихся редакции в XII в.²⁴), показывает, что в данном случае мы имеем дело с довольно поздним преданием, связанным с каким-то «Олеговым курганом» в окрестностях города Овруча. Насколько эта краеведческая справка соответствует действительности, видно по другой летописной записи, свидетельствующей, что настоящая могила

²⁴ См.: Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 31–32.

Олега Древлянского была разрыта уже в 1044 г., когда «кости» его были вынуты из земли и перезахоронены в киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной). Впрочем, сама легенда, которой воспользовался летописец в статьях под 975 и 977 гг., вероятно, в главных чертах отразила истинное происшествие. Однако нельзя не заметить, что в ней уже предана полному забвению историческая подоплека схватки Ярополка с Олегом, а в качестве движущей интриги выступает мотив мести за убитого древлянским князем «Свенальдича». Свести вслед за летописцем все дело к личной неприязни Свенгельда к Олегу мы, конечно, не можем.

Причины распри Святославичей

Борьба Ярополка с Олегом и Владимиром, имевшая обманчивый вид исключительно внутреннего междоусобия, находилась в непосредственной связи с упомянутым выше обострением русско-чешских отношений²⁵.

В 972 г. произошло событие, замеченное всей Европой. После десятилетних дипломатических усилий, перемежавшихся с военным нажимом, Оттон I добился от Византии признания его титула «императора августа Священной Римской империи германской нации». Договор был скреплен женитьбой его старшего сына, соправителя и наследника Оттона II, на византийской принцессе Феофано, племяннице василевса Иоанна Цимисхия. В следующем году, на Пасхальной неделе, победитель пышно отметил свое торжество на имперском съезде в Кведлинбурге. В продолжение празднеств в императорскую резиденцию одно за другим прибывали посольства из соседних стран с поздравлениями новому цезарю.

Среди тех, кто «явился с большими дарами», саксонский хронист 70-х гг. XI в. Ламперт Херсфельдский отметил и послов «от Руси» (Ruscorum). С какой целью прибыли они в Кведлинбург? Вероятно, не только затем, чтобы чествовать Оттона I. Как мы помним, буквально только что, за год или два перед Кведлинбургским съездом, чешский князь Болеслав II оторвал от Русской земли изрядный кусок Северо-Восточного Прикарпатья и Подолии вместе с Червенскими городами. К тому же 973 г. был годом учреждения Пражско-Моравской епископии, и этот вопрос, по всей видимости, обсуждался на съезде в Кведлинбурге, поскольку Болеслав II явился туда лично. Восточные границы нового диоцеза не могли не интересоваться и посланцев Ярополка. Мы не знаем, вынашивались ли в Киеве планы возврата в обозримом будущем карпатских земель, или там стремились только не допустить дальнейшего продвижения чешских дружин на восток. Однако ясно, что в том и другом случае Ярополку было важно заручиться поддержкой Оттона I против Болеслава II, являвшегося вассалом германского императора.

Неизвестно, как откликнулся Оттон I на предложения Киева. В том же 973 г. он умер. Но обстоятельства сложились так, что в самом скором времени германская сторона сама должна была проявить живейшую заинтересованность в союзе с Русской землей, направленном против Чехии. Едва Оттон II успел освоиться с положением самодержавного «императора римлян», как в июне 974 г. баварский герцог Генрих II Сварливый поднял против него мятеж. Болеслав II и польский князь Мешко (Мечислав) I присоединились к непокорному вассалу императора. В этой ситуации Оттон II безусловно испытывал острую нужду в союзниках, и его обращение к Ярополку с предложением создания античешской коалиции выглядит с точки зрения сложившейся расстановки сил вполне естественным и закономерным.

Свидетельство о русско-немецких переговорах 974/975 г. и их благоприятном исходе содержится в «Генеалогии Вельфов», составленной около 1125 г. В этом родословном списке

²⁵ Исторические обстоятельства, обусловившие возникновение конфликта трех Святославичей, приоткрылись сравнительно недавно благодаря исследованиям А.В. Назаренко. Для лучшего освещения этой темы, представленной в русских летописях лишь отрывочными данными полулегендарного происхождения, ученый привлек дополнительные источники, которые и помогли «обнаружить стержень, логическую ось событий, развернувшихся на Руси после гибели Святослава Игоревича» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 361–373).

могущественного швабского рода упоминается между прочим некий «знаменитейший граф Куно из Энингена» и его многочисленное семейство, в том числе четыре дочери, одна из которых, Ита фон Энинген, во второй половине 70-х гг. X в. вышла замуж за графа Рудольфа Вельфа, другая, не названная по имени, стала женой «короля Руси» (*regi Rugorum*) Ярополка²⁶. В настоящее время установлено, что Куно из Энингена – это реальное историческое лицо, граф Конрад (Куно – латинская форма этого имени, *Chuono*, *Chuonis*) фон Энинген, с 983 г. – герцог швабский²⁷.

²⁶ В отечественной историографии распространена ошибочная гипотеза видного генеалога «Рюриковичей» Н.А. Баумгартена, который отождествил «короля Руси» с князем Владимиром (его статьи на эту тему были опубликованы в 1927–1930 гг. в римском журнале *Orientalia Christiana* на французском языке). В подкрепление своего мнения Баумгартен сослался на известие Титмара Мерзебургского о том, что в 1018 г. в руки польского князя Болеслава I Храброго, захватившего Киев, попала мачеха князя Ярослава Владимировича. Поскольку византийская супруга Владимира, царица Анна, умерла, согласно летописи, в 1011 г., ученый посчитал, что под «мачехой» Ярослава скрывается дочь графа Куно, ставшая женой «короля Руси» Владимира между 1012 и 1015 гг. На капитальные недостатки этой теории указал А.В. Назаренко (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 310–311; *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 362). По внутренней хронологии «Генеалогии Вельфов» русский брак дочери Куно должен был прийти на вторую половину 970-х гг. Ведь Куно именуется там графом, а не герцогом (последний титул был ему пожалован только в 983 г.). Следовательно, составитель «Генеалогии Вельфов» в этой части своего труда воспользовался каким-то документом, написанным до 983 г. Нельзя не учитывать и того, что в 1012 г. этой дочери Куно должно было исполниться не меньше 35–40 лет – возраст, совсем не подходящий для династического брака, тем более с Владимиром – государем, известным в качестве большого знатока женских прелестей.

²⁷ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 310; *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 362.

Оттон II и его супруга Феофано, благословляемые Христом. Париж. Музей Клюни

Когда в 975 г. дело дошло до открытого столкновения Оттона II с Болеславом II, Конрад выступил на стороне императора и активно поддерживал его в течение всей германо-чешской войны, продлившейся до 977 г. Таким образом, сам выбор невесты для Ярополка доказывает, что античешский союз Германии и Руси все-таки состоялся. Посредством брака с дочерью Конрада Ярополк вошел в близкое свойство с императорской семьей, так как энингенский граф, если верить родословной Вельфов, приходился зятем Оттону I²⁸. Надо заметить также, что, по всей вероятности, в 974/975 г. была оглашена лишь помолвка (вероисповедальных различий между женихом и невестой, как будет показано далее, не было), тогда как отправка невесты Ярополка в Киев состоялась, очевидно, в 977 г., после окончания войны с Болеславом II.

Заключение германо-киевского соглашения 974/975 г., скрепленного женитьбой Ярополка на дочери имперского графа, возвращает нас к проблеме датировки полоцкого сватовства Ярополка и Владимира. Теперь мы видим, что последнее событие не могло иметь место позже 974 г., ибо Ярополк, разумеется, не стал бы добиваться руки Рогнеды, будучи обручен с родственницей государя христианского Запада, так как подобное поползновение на двоеженство немедленно разрушило бы все надежды на престижный династический союз.

Опасность быть зажатым между двух огней побудила Болеслава II, в свою очередь, начать поиск союзников. И он скоро нашел их. Ими стали братья Ярополка – Олег и Владимир, в чьих биографиях прослеживаются более или менее прочные связи с Чехией.

В одном из своих сочинений по истории Моравии (*Zrčadlo slavneho Margkrabstwij Morawsheho*, 1593) чешско-польский историк Бартоломей (Бартош) Папроцкий, ссылаясь на находившиеся у него под рукой «анналы русские и польские», пишет о некоем русском князе, сыне «Колги Святославича» и племяннике князей Ярополка и Владимира. Жизни Колги/Олега грозила опасность со стороны его брата Ярополка, поэтому он отправил своего сына в Чехию. Впоследствии Колга был убит Ярополком, а его спасенный сын стал родоначальником моравского рода Жеротинов²⁹. Эти события почему-то датированы Папроцким 861 г., но речь, несомненно, идет о междоусобной брани Святославичей во второй половине 70-х гг. X в.

Безымянный Ольгович, переправленный отцом в Чехию, по всей видимости, существовал в действительности, и память о нем некоторое время жила в чешско-моравских летописях. Иначе трудно объяснить, каким образом он попал в прашуры Жеротинов, ведь специально измышлять в генеалогических целях столь незначительную фигуру им не было никакого смысла³⁰. Олег, судя по всему, был ненамного моложе Ярополка, и потому вполне мог в 975–977 гг. иметь младенца-наследника. Категорически отвергнуть такую возможность, во всяком случае, нельзя. Доверить своего сына Олег безусловно мог только дружественной стране. Стало быть, даже если отнестись к сообщению Папроцкого с известной долей осторожности, налицо факт достаточно близких отношений Олега с Болеславом II.

²⁸ В «Вайнгартенской истории Вельфов» (60-е гг. XI в.) дочь императора, вышедшая замуж за Куно, носит имя Рихлинт. Однако женское потомство Оттона I хорошо известно, и дочери с таким именем среди него нет. Тем не менее Куно/Конрад фон Энинген, по-видимому, в самом деле состоял в довольно близком родстве с императорской семьей, так как его сын, швабский герцог Херманн II, серьезно претендовал на королевский трон Саксонии, опустевший в 1002 г. после смерти бездетного Оттона III, внука Оттона I и последнего представителя Саксонской династии (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 309; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 371–372).

²⁹ См.: *Флоровский А.В.* Русское летописание и Я.А. Коменский // *Летописи и хроники*. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 313–314.

³⁰ Жеротины, напротив, желали происходить от знаменитых государей. Известно их притязание на родство даже с византийскими императорами, хотя и все равно через русское посредство – по Изяславу, князю полоцкому, ошибочно считавшемуся в то время сыном князя Владимира от византийской царевны Анны (см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 369; *Флоровский А.В.* Русское летописание. С. 315).

Что до Владимира, то имеется прямое указание летописи на два его чешских брака (статья под 980 г.). В росписи Владимировых сыновей, рожденных от «водимых» (законных) жен, читаем, что от одной «чехини» он «роди» Вышеслава, «а от другое – Святослава³¹ и Мьстислава». В.Н. Татищев приводит имена этих женщин: Малфрид и Адил, которое он считает искаженным от Адельгейда³²; польский историк XV в. Ян Длугош пишет только об одной «чехине». В другом месте Повести временных лет Вышеслав назван «старейшим» сыном Владимира, что делает вероятным его рождение в 975–978 гг., то есть именно в интересующее нас время. Ведь как раз тогда Владимиру, по нашим расчетам, исполнилось 18–20 лет.

Однако точно ли матерью Вышеслава была «чехиня»? Формальным поводом для сомнений на этот счет служит то обстоятельство, что во второй половине X в. Чехия имела официальный статус христианской державы. Между тем Владимир в середине 70-х гг. X в. не только оставался язычником, но и был уже женат на Рогнеде. Как же мог состояться брак между язычником-многоженцем и христианкой? Тем не менее такая возможность совсем не исключена.

Болеслав I Храбрый выкупает у пруссов останки святого Адальберта-Войтеха. Бронзовый барельеф на дверях собора в Гнезно

Языческое многоженство было одной из самых жгучих и вместе с тем самых деликатных проблем, с которыми христианство сталкивалось в процессе обращения «варварских» германо-славянских народов Европы. Христианское воззрение на семью приживалось с величайшим трудом, вследствие чего христианское духовенство, дабы не отпугнуть неофитов и

³¹ А.В. Назаренко обращает внимание на дальнейшую судьбу Святослава, отраженную в «Сказании и страсти и похвале святого мученику Бориса и Глеба»: «Его бегство в 1015 г. от Святополка почему-то именно к «горе Угорьстеи», т. е. к Карпатам, как будто косвенно подтверждает летописную версию» его происхождения (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 366). Но, согласно известию «Повести об убиении святых новоявленных мучеников Бориса и Глеба», повторенному Ипатьевской летописью, Святослав Владимирович пытался укрыться совсем не в Чехии: «бежашу ему в угры», то есть к венграм.

³² См.: Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. ИЗ, 119.

колеблющихся чрезмерной суровостью своих требований, сплошь и рядом было вынуждено идти на скандальные поущения традиционным обычаям и закрывать глаза на вопиющие нарушения церковных правил, регулировавших супружеские отношения. На территории

Чехии и Моравии подобное невмешательство Церкви в повседневную жизнь паствы стало почти что нормой. По свидетельству Паннонского жития Кирилла и Мефодия, католические священники («латиньстии и фряжестии архиереи с иереи»), просвещавшие моравских славян одновременно с солунскими братьями, «не браняху [не запрещали] же жертв творити по перьвому [языческому] обычаю, ни женитьб бесчисленных творити».

Во второй половине X в. положение дел ничуть не изменилось. По словам немецкого историка XIX в. В. Гизебрехта, «ночь идолопоклонства еще так широко распространялась над страной», что даже сам Болеслав II, оставшийся в истории с прозвищем Благочестивый, порой остывал «в усердии к христианской вере»³³. Пражский епископ Адальберт-Войтех, чех по происхождению, незадолго до своей мученической кончины в 997 г., серьезно полагал, что чехи отпали от христианства и вернулись к языческим порядкам, едва ли не поголовно погрязну в в многоженстве. Его отвращение к нравам своих соотечественников было таково, что он даже не желал оставаться их пастырем и с величайшей радостью воспринял разрешение папы оставить пражскую кафедру для миссионерской деятельности среди пруссов.

На этом историческом фоне летописная запись о женитьбе Владимира на «чехине» выглядит достаточно правдоподобной, тем более что примеры подобных браков христианки и язычника в истории есть. Незадолго перед тем (в 965 г.) не кто иной, как чешский князь Болеслав I, отдал свою дочь Домбровку (сестру Болеслава II) за польского князя Мешко I, тогда еще косневшего в язычестве. Здесь возникает закономерный вопрос: а не могла ли Владимирова «чехиня» тоже быть родственницей чешского князя, чешской княжной, как сказано у польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского? Однако состояние источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку.

Таким образом, направленному против него киевско-немецкому союзу Болеслав II противопоставил чешско-древлянско-новгородский альянс. Создание подобных коалиций было вполне в духе дипломатии Болеслава. Так, он неоднократно заключал соглашения с язычниками-лютичами для войны против христианской Польши и самой Священной Римской империи.

Из двух младших Святославичей Болеслав II, разумеется, больше всего рассчитывал на Олега. Само географическое положение Древлянской земли делало ее естественным буфером между карпатскими провинциями Чешского княжества и Киевом. Вот почему, вместо того чтобы оказать военную поддержку Оттону II, Ярополк вынужден был совершить поход на Овруч, закончившийся смертью Олега, а Владимир, узнав о гибели брата-союзника, «убоявся бежа за море» – поступок ничем не мотивированный в летописи и находящий объяснение только в свете международной обстановки 70-х гг. X в.³⁴

Братья-христиане

У истории борьбы Ярополка и Олега был еще один важный аспект. Впервые в летописи Русской земли руку друг на друга подняли не просто кровные братья, но также и братья во Христе.

В вопросе о вероисповедании сыновей Святослава Повесть временных лет проявляет удивительную избирательность, вполне определенно высказываясь только об одном из них –

³³ Цит. по: *История Средних веков* / Сост. М.М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 688.

³⁴ См.: *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 370.

Владимире, который изображен жестоким язычником. Относительно религиозной принадлежности двоих других братьев странным образом умалчивается.

Однако в великокняжеской семье жило устойчивое предание об особой склонности Ярополка и Олега к христианству. Только этим можно объяснить загадочную летописную запись под 1044 г., когда по приказу племянника погибших, князя Ярослава I Владимировича, состоялось перезахоронение и крещение (!) их останков: «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею и положиша я в церкви святая Богородица».

Краткий хроникальный характер этого известия служит порукой его достоверности. Не касаясь здесь любопытной самой по себе обрядовой стороны совершенной церемонии, остановимся лишь на ее символическом смысле. В официальной церковной литературе ничего похожего мы не найдем. Единственное соответствие можно извлечь из одного апокрифического произведения. Это – сказание о двойном крещении костей Адама: водами Иордана и кровью Христа, пролитой на Голгофе. Сравнение сюжета апокрифа с обрядом перезахоронения останков Ярополка и Олега приводит к выводу, что «в том и другом случае символически выражена идея предуготованности к крещению»³⁵.

В том, что действия Ярослава в 1044 г. опирались на альтернативную по отношению к Повести временных лет историческую традицию, для которой было характерно подчеркивание сочувствия Ярополка и Олега христианству, убеждает уникальное известие Иоакимовской летописи: «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяще христианы, и аще сам не крестися народа ради, но никому же претяше»³⁶. Очень скоро (вероятно, во второй половине 40-х гг. XI в.) последовала и окончательная христианская реабилитация обоих братьев Владимира, когда их именами были наречены два внука Ярослава – Ярополк Изяславич и Олег Святославич. Это означало, что древнерусские имена Ярополк и Олег были включены в родовой княжеский именослов, «очищенный» от языческих воспоминаний и ассоциаций.

Так, к середине XI в. в древнерусском обществе возобладало воззрение на Ярополка и Олега как на своеобразных предтеч крестителя Руси Владимира, покровителей христианства, хотя хранители исторических преданий и были уверены в том, что дяди Ярослава умерли не просвещенные святым крещением. Однако так ли это?

Наши летописи в один голос утверждают, что Ярополк и Олег в детстве находились на попечении их бабки, княгини Ольги; у Святослава после 965 г. просто не было возможности заниматься их воспитанием, так как его почти не видели в Киеве. Влияние Ольги на духовное развитие внуков, надо полагать, было весьма сильным, и, например, Е.Е. Голубинский допускал, что если бы Ярополк «жил долее, то очень может быть, что не Владимир, а он был бы крестителем всей Руси»³⁷, а А.В. Карташев убежденно писал, что «в отсутствие Святослава старший сын его Ярополк, воспитываемый бабушкой Ольгой, слагался в князя-христианина и будущего крестителя всего народа»³⁸.

Действительно, трудно представить, что Ольга, потерпев неудачу с обращением сына, не попыталась обеспечить историческую преемственность своего дела посредством крещения внуков. И скорее всего, соответствующий обряд был совершен над ними безотлагательно. Но после ее смерти в 969 г. христианское воспитание Ярополка и Олега было резко и грубо оборвано. Святослав был воинствующий язычник: убивая перешедших в христианство Ольгиных «вельмож» и разрушая церкви, он не остановился даже перед тем, чтобы казнить брата-христианина Глеба. Конечно, он не поцеремонился и с сыновьями, заставив их вернуться к языческому культу. Думаю, что легенда о жене-гречанке, присланной Ярополку отцом, сло-

³⁵ Мильков В.В., Милькова С.В. Апокрифическое выражение мифологических воззрений. М., 1997. С. 205.

³⁶ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 111.

³⁷ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Изд. 2-е. Т. I. М., 1901 (репринт: М., 1997). С. 92–93.

³⁸ Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. I. М., 2000. С. 129.

жила на основе исторических воспоминаний о нелегком положении сыновей Святослава в 969–971 гг., ибо отцовское предложение жениться именно на «чернице» нельзя расценить иначе, чем явно выраженное намерение предать поруганию христианские каноны благочестивой жизни и поглумиться над религиозными чувствами сына, вытравить из Ярополка бабкин дух³⁹. Само предание с исторической стороны ненадежно, но его религиозный (антихристианский) подтекст безусловно следует принять во внимание.

Языческая реакция при Святославе была слишком краткой по времени, чтобы быть действенной, и после гибели князя все возвратилось на круги своя. Ярополк и Олег с облегчением возобновили исповедание привитой им с детства христианской религии. Церковные правила не предусматривают вторичного крещения вероотступников, желающих вернуться в церковную ограду, – для этого им достаточно покаяться и причаститься. Вероятно, поэтому факт крещения Ярополка и Олега, имевший место в их далеком детстве, со временем позабылся. И все-таки мы можем настаивать на том, что оба князя умерли христианами. Вспомним, что в 1044 г. Ярослав «выгребоша» их «кости». Успешная эксгумация останков Ярополка и Олега могла состояться только в том случае, если их тела при захоронении не подверглись языческому сожжению. Следовательно, можно утверждать, что Ярополк похоронил погибшего брата тем же обычаем, каким впоследствии был погребен и сам, – в подкурганной могиле, головой на запад, то есть совершенно так же, как во второй половине X в., согласно археологическим материалам, было погребено большинство жителей Русской/ Киевской земли, – в полном соответствии с требованиями христианской религии.

Касательно Ярополка есть и другие свидетельства того, что после 971 г. он открыто порвал с язычеством. В этой связи весьма интересна дата вокняжения князя Владимира – 11 июня 978 г., указанная в «Памяти и похвале» Иакова Мниха: «И седе в Киеве князь Володимир... месяца июня в 11, в лето 6486 [978 г.]. Крести же ся князь Володимир в десятое лето по убьении брата своего Ярополка». Для летописно-житийной хронологии она не совсем обычна. Дело в том, что все полно датированные события древнерусской истории X – первой половины XI в. так или иначе относятся к событиям *церковным*, как, например, кончина Ольги (11 июля 969 г.), убийство варягов-мучеников (12 июля 983 г.), освящение церкви Святой Богородицы (12 мая 996 г.), смерть Владимира (15 июля 1015 г.), мученическая кончина Бориса и Глеба (24 июля и 5 сентября 1015 г.) и т. д.⁴⁰ В этом длинном ряду точных хронологических записей только 11 июня 978 г. стоит особняком, фиксируя чисто светское событие. Это наводит на мысль, что на самом деле дата вокняжения Владимира является датой смерти Ярополка, взятой Иаковом Мнихом из какой-то церковной записи о его кончине и приуроченной им к истории княжения Владимира, так как дата 11 июня появляется в тексте «Памяти и похвалы» сразу после известия об убийстве Ярополка, а «в следующей же за этой датой фразе крещение Владимира датировано десятым годом не от вокняжения его (что было бы понятно), а от гибели Ярополка»⁴¹.

Догадку о существовании в Древней Руси церковных записей с пометами не только даты смерти, но и времени крещения Ярополка подкрепляет сообщение Пискаревского летописца под 980 г.: «Бысть княжения Ярополча 50 лет, а во крещении княжив 17». Здесь важны не конкретные хронологические выкладки, а сама методика их составления (высчитаны годы от крещения до смерти), которая предполагает использование данных некоего помянника или

³⁹ Курьезным выглядит мнение А.В. Карташева, что «красивая гречанка-христианка» была приведена Ярополку в качестве «достойной невесты» (Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 129). Поиск супруги среди монашек – весьма одиозный поступок для человека, который «слагался в князя-христианина» и «любяше христианы».

⁴⁰ См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 378. Светские события начинают отмечаться в летописи полными датами лишь с 1061 г.: «В лето 6569. Приидоша половци первое на Русскую землю воевати, Всеволод же изыде противу им, месяца февраля в 2 день...»

⁴¹ Там же.

синодика с именем Ярополка. Причем, если общее количество лет его княжения совершенно несуразно, то продолжительность христианского жития Ярополка приблизительно совпадает с его вероятным возрастом на момент смерти, и это обстоятельство можно поставить в связь с высказанным выше предположением, что Ольга крестила своих внуков еще в пору их младенчества.

Но, пожалуй, решающим доводом в пользу принадлежности Ярополка к числу христианских государей своего времени служит известие «Генеалогии Вельфов» о женитьбе «короля Руси» на дочери Куно фон Энингена. Понятно, что в Священной Римской империи попросту не стали бы рассматривать возможность такого брака, продолжай Ярополк и после смерти отца придерживаться язычества⁴².

⁴² В средневековой западноевропейской агиографии есть произведение, иногда используемое для решения вопроса о крещении Ярополка и которое, однако, я не нахожу возможным привлечь в качестве источника в рамках данной темы. Тем не менее обойти его молчанием нельзя. Речь идет о Житии блаженного Ромуальда, написанном около 1030 г. итальянским кардиналом Петром Дамиани, епископом Остии (умер в 1072 г.). Рассказывая об учениках святого мужа, автор входит во многие подробности жизни одного из них, наиболее любимого Ромуальдом, – святого Бруно (в монашестве Бонифация) Кверфуртского – и, в частности, приводит довольно пространный эпизод его миссионерской проповеди на Руси. Побывав в стране какого-то языческого народа (по известиям других писателей, это была Венгрия), Бруно отправился оттуда на Русь, где «принялся настойчиво и неотступно проповедовать». Но «король Руси» (*rex Rus-sorum*) оставался глух к его словам и потребовал от пришельца чуда, которое, разумеется, тотчас и было ему предъявлено – на глазах у всего народа Бруно, в роскошном епископском облачении, со святой водой и возженной кадильницей в руках, шагнул в разложенный для него огромный костер «и вышел совершенно невредимым, так что не видно было даже ни единого обгоревшего волоса». После этого все присутствующие немедленно крестились, а король даже выразил желание «оставить королевство сыну, дабы не разлучаться с Бонифацием до конца своих дней». Однако дальнейшим успехам Бруно в деле просвещения жителей Руси помешали неожиданно возникшие затруднения. У «короля Руси» было два брата. И вот, «брат короля, живший совместно с ним, не захотел уверовать и потому в отсутствие Бонифация был убит королем. Другой же брат, который жил уже отдельно от короля, как только к нему прибыл блаженный муж, не пожелал слушать его слов, но, пылая на него гневом за обращение брата, немедленно схватил его. Затем из опасения, как бы король не вырвал Бонифация из его рук, если он оставит его в живых, он приказал обезглавить [святого] на своих глазах и в присутствии немалой толпы». Но тут всех свидетелей казни хватил столбняк, а брат короля к тому же и ослеп. И только приняв крещение по совету «короля Руси», прибывшего отомстить за Бруно, участники расправы над святым мучеником получили прощение свыше, а вместе с ним и исцеление. Нетрудно заметить, что политическая обстановка в Русской земле, которую застаёт Бруно, сродни действительному положению дел в 70-х гг. XI в.: имеется «король Руси» (Ярополк, сидящий на великокняжеском столе в Киеве) и два его брата – один, живущий «совместно с ним» (Олег, в Древлянской земле), другой – «отдельно от короля» (Владимир, в Новгороде). Дальнейшие события, за исключением финала, также развиваются по летописной канве: «король Руси» убивает «ближнего» брата, а затем вступает в борьбу с «дальним». Вместе с тем участие Бруно в обращении трех Святославичей в 70-х гг. X в. является обескураживающим анахронизмом, ибо этот достаточно хорошо известный и весьма деятельный миссионер родился около 976 г., а на Руси побывал только в 1008 г., при князе Владимире, – факт, засвидетельствованный в личном письме Бруно к императору Генриху II. Удовлетворительно объяснить причины, по которым Петр Дамиани усвоил ему роль крестителя Ярополка, никак не удавалось. Тем не менее с тех пор, как Житие святого Ромуальда вошло в научный обиход, время от времени предпринимались попытки приписать принятие Ярополком христианства католическому влиянию. Так, В.А. Пархоменко полагал, что Ярополк примерно за год до смерти крестился по обряду Римской церкви. Спасти же историческую достоверность известия Петра Дамиани о крещении «короля Руси» Бруно-Бонифацием исследователь пытался при помощи предположения, что в данном случае мы имеем дело с искаженным воспоминанием о деятельности на Руси в 70-х гг. X в. безвестных католических миссионеров (см.: *Пархоменко В.А. Начало христианства на Руси: Очерки из истории Руси IX–X вв.* Полтава, 1913. С. 162–164). Этот довод почти слово в слово был повторен А.В. Назаренко, который, однако, постарался конкретизировать личности этих безымянных немецких монахов: «Думаем, что эти миссионеры входили в посольство Оттона II к Ярополку, которое вело переговоры о военном союзе и возможном браке юного киевского князя с дочерью графа Куно «из Энингена», родственницей императора. Ярополк согласился и на союз, и на брак, приняв как следствие крещение от миссионеров, сопровождавших посольство» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников.* С. 379). На это можно возразить, что ни о каких попытках обращения русских князей в христианство западными миссионерами после миссии Адальберта к княгине Ольге в 961–962 гг. источники не знают (правда, Никоновская летопись под 979/980 г. сообщает: «Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы», однако цели папского посольства остаются неясны). И затем, гипотеза, будто в образе Бруно-Бонифация как бы персонифицировались личности неких оставшихся неизвестными предшественников, противоречит выводам историко-филологической критики, которая утверждает совершенно обратное, а именно, что для Петра Дамиани и других современных ему агиографов характерна тенденция смешивать Бруно-Бонифация Кверфуртского с известными церковными деятелями того времени – Адальбертом-Войтехом Пражским, Бруно Аугсбургским, Бруно Ферденским. Этой путанице в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в средневековой литературе Бруно Кверфуртский фигурировал под двумя именами: в немецкой традиции – под именем Бруно, в итальянской – под именем Бонифаций, которое он принял уже в Италии при пострижении в римском монастыре Святых Бонифация и Алексия. «Тожественность обоих святых была установлена только наукой нового времени» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях.* С. 347–350). Вот здесь-то, как мне кажется,

Из всего вышеизложенного следует, что когда в 974/975 г. послы Оттона II вели переговоры с Ярополком о союзе и династическом браке, они видели перед собой не язычника, согласного из политических выгод внимать их наставлениям в вере, а молодого христианского государя, воспитанного в духе кирилло-мефодиевской традиции и намеревавшегося ввести Русскую землю в круг христианских держав Европы.

Однако времени на это у него уже почти не было.

и нужно искать ключ к разгадке анахронизмов «русского фрагмента» в Житии блаженного Ромуальда. Прежде всего заметим, что сообщение Петра Дамиани о крещении Руси Бруно-Бонифацием вряд ли является преднамеренным вымыслом. Скорее речь может идти о неверном перетолковании какого-то реального факта, успевшего в течение первой трети XI в. закрепиться в житийной традиции, связанной с личностью Бруно Кверфуртского. Выявить источник ошибки помогает Хроника ангулемского монаха Адемара Шабаннского (ум. до 1034 г.), который тоже касается миссионерской деятельности Бруно и между прочим пишет следующее: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Русью. Он крестил короля Венгрии по имени Геза, которого в крещении, переименовав, назвал Стефаном... Упомянутый король велел святому Бруно окрестить также и своего сына [Вайка], дав ему имя, подобно своему – Стефан».[1] Здесь пребывание Бруно на Руси совершенно сознательно отнесено к времени до официального крещения Руси князем Владимиром, так как дальше у Адемара сказано: «Спустя некоторое время на Русь прибыл один греческий епископ и обратил ту половину страны, которая еще оставалась предана идолам, и заставил их принять греческий обычай рашения бороды и прочее». Кроме того, Адемар делает Бруно современником аугсбургского епископа Ульриха, умершего в 973 г., и приписывает ему обращение венгерского короля Гезы и его сына Вайка (будущего Иштвана/Стефана I), тогда как в действительности Бруно Кверфуртский виделся только с последним, во время посещения Венгрии в 1007 г., то есть спустя много лет после крещения Гезы и Вайка, состоявшегося где-то во второй половине 970-х гг. Анахронизмы Адемара, как видим, вполне аналогичны хронологической неувязке у Петра Дамиани, который также перенес миссионерскую деятельность Бруно Кверфуртского в 70-х гг. X в. Но текст ангулемского хрониста позволяет вместе с тем обнаружить корень недоразумения. Совершенно очевидно, что Адемар просто перепутал Бруно Кверфуртского с другим Бруно, возглавлявшим в 962–976 гг. Ферденскую кафедру. Между 973 и 976 гг. Бруно Ферденский вместе с Пильгримом, епископом Пассауским, посетили Венгрию в составе имперского посольства, которое, по всей видимости, и имело своим следствием обращение Гезы и его сына, поскольку святой Стефан, чьим именем были наречены венгерские государи, был патрональным святым Пассауской кафедры (по другому преданию, Геза решил креститься, подавшись угорам своей жены Адельгейды, сестры польского великого князя). Таким образом, подвиги Бруно Кверфуртского во славу Божию на земле Венгрии оказываются взятыми из биографии его ферденского тезки. Но как быть с «Русью»? Ведь и Адемар не отказывает Бруно в чести быть «русским апостолом». Так можно ли утверждать, что и в этом случае сквозь послужной список Бруно Кверфуртского просвечивают реальные факты жизни Бруно Ферденского? Однако последний никогда не бывал в Киевской Руси. Чтобы все встало на свои места, мы должны прежде уточнить: собственно, о какой Руси идет речь у Адемара? Вопрос законен не только с исторической стороны (средневековая Европа знала множество «Русий»), но также и со стороны текстологической. Вернемся к показанию Адемара: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Русью». Переводчики этого текста традиционно отделяют Венгрию от Руси разделительным союзом «и», которого нет в оригинальном тексте. Делается это на том основании, что сохранение буквального смысла слов оригинала («*Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provinciam aliam, que vocatur Russia*») «заставило бы предполагать, что в представлении Адемара Русь составляла одну из «областей» Венгрии» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 343*). Между тем буквальное прочтение как раз и является правильным. Венгрия действительно имела в своем составе «Русскую область» – земли карпатских русин (которые и сегодня присутствуют в виде компактной этнической группы среди венгерского населения). В XI–XII вв. эту «Русь» передавали во владение (на правах феодального лена) наследникам венгерского престола, благодаря чему последние носили официальный титул «герцог русов». Ее-то и мог посетить Бруно Ферденский во время своей поездки по Венгрии. Теперь мы можем, наконец, подвести итоги. Занимаясь составлением жизнеописания Бруно Кверфуртского, Адемар и Петр Дамиани опирались на уже существовавшую традицию (если только Адемар не был ее зачинателем), которая по неведению отождествляла Бруно-Бонифация с Бруно Ферденским, чему, в частности, способствовали схожие факты их биографий: оба они в свое время посетили Венгрию и Русь (каждый – свою). По законам житийного жанра, требовавшим от агиографа всемерного прославления деяний святого, при наложении друг на друга венгеро-«русских» походов обоих Бруно за основу была взята миссионерская деятельность Бруно Ферденского, ибо Бруно Кверфуртский подвизался в Венгрии и Киеве без особого блеска. Таким образом Бруно-Бонифаций сделался участником событий 70-х гг. X в., как того требовали хронологические рамки епископского служения Бруно Ферденского. В дальнейшем, когда «русская» линия миссионерского служения Бруно Кверфуртского получила более подробное сюжетное развитие, она была вплетена в реальную историческую ситуацию на Руси после гибели Святослава – результат этого литературного творчества мы видим у Петра Дамиани. Однако и здесь, как кажется, не обошлось без обращения к «первоисточнику» – жизни Бруно Ферденского. Мы помним, что у Дамиани «король Руси» имеет наследника. Между тем у Ярополка не было детей. Зато адемаровский Бруно (то есть исторический Бруно Ферденский) обращает в христианство Гезу и его сына Вайка. Так напоследок выясняется, что и крещенный Бруно «король Руси» имеет к историческому Ярополку весьма отдаленное отношение. По этим причинам я не думаю, чтобы сочинение Петра Дамиани годилось для каких бы то ни было реконструкций истории христианства на Руси в 70-х гг. X в. А без этого источника гипотеза Пархоменко – Назаренко теряет под собой всякую почву. Имея такую бабку, как княгиня Ольга, Ярополк совершенно не нуждался в духовном посредничестве «безвестных немецких миссионеров».

Глава 4 Захват Владимиром Киева

Внешняя политика Ярополка

Между тем ничто не предвещало близкого конца. Напротив, последние годы княжения Ярополка были ознаменованы событиями, которые, казалось, свидетельствовали о непрерывном росте могущества и славы юного державца Русской земли.

По сообщению Никоновской летописи, Ярополк совершил поход против печенегов. Мы не знаем, было ли это возмездием за убийство Святослава, или Ярополк хотел обезопасить свой тыл перед открытым выступлением против Болеслава II. А может быть, гибель Олега и бегство Владимира «за море», случившиеся, вероятно, в 975/976 г., вынудили чешского князя прибегнуть к последнему средству защиты и бросить подкупленных печенегов на Киев, чтобы задержать неизбежное появление на Карпатской земле русских дружин? Короткая летописная строка говорит только, что степные орды были рассеяны русской ратью: «победи Ярополк печенеги, и возложи на них дань». Сокрушительное поражение произвело такое впечатление на печенежских ханов, что один из них, по сообщению того же источника, поспешил отдаться под Ярополкову руку: «Прииде Печенежский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу; Ярополк же приат его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице».

Тогда же возобновились дружественные отношения с Византийской империей, причем по инициативе греческой стороны. Прибытие в Киев послов «от греческого царя» русские летописи (Воскресенская и Никоновская) датируют 979 г., но, сообразуясь с известиями византийских хронистов, нужно признать более вероятным 977 г.

10 января 976 г. в Константинополе произошла очередная смена власти. В этот день умер Иоанн Цимисхий. Ходили слухи, что его отравили. И в самом деле, император покинул этот мир удивительно вовремя, ибо двум законным (порфирородным) наследникам трона, василевсам Василию II и Константину VIII, сыновьям умершего в 963 г. Романа II, как раз исполнилось соответственно 18 и 16 лет⁴³.

По обоюдному согласию братья не стали делить самодержавную власть, и всю тяжесть правления взял в свои руки старший, Василий; Константин, который, по словам византийского историка XI в. Михаила Пселла, «всем казался безвольным прожигателем жизни, будучи человеком легкомысленным и склонным к развлечениям», только унаследовал титул императора. Впрочем, и Василий II, как свидетельствует тот же писатель, поначалу «вполне пользовался своим юным возрастом и царским положением», считая своим уделом «легкомысленные царские развлечения и отдых». Распорядителем всех дел при нем стал опытный царедворец, евнух паракимомен⁴⁴ Василий, которому царственные братья приходились внучатыми племянниками. Этот незаконный сын императора Романа I Акапина (920–944), некогда оскопленный в интересах безопасности династии, привык стоять у кормила государственной власти, будучи на протяжении долгих лет бессменным «первым министром» при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии.

Однако очень скоро Василию II пришлось оставить пиры и любовные интрижки и заняться куда более серьезными делами. Паракимомен Василий стремился убрать с ведущих государственных должностей влиятельных лиц предыдущего царствования. Наибольшие опа-

⁴³ Василий II и Константин VIII считались василевсами со дня смерти отца. На тот момент им было 5 и 3 года соответственно. Поэтому фактическая власть долгое время принадлежала их соправителям: сначала Никифору Фоке (963–969), а затем Иоанну Цимисхию (969–976).

⁴⁴ *Паракимомен* – высшая придворная должность, доступная евнухам. В обязанности паракимомена входило заботиться ночью о безопасности императора, для чего ему отводилось специальное место в царских покоях.

сения ему внушал шурина покойного Иоанна Цимисхия, domestik схол Востока (командующий восточными армиями империи) Варда Склир, пользовавшийся огромной популярностью в войсках благодаря своей громкой военной репутации, приобретенной в русско-византийскую войну 970–971 гг. Заслуженный полководец внезапно был смещен с должности domestika схол и назначен простым дукою (губернатором) отдаленной Месопотамской фемы. Это вызвало (или, быть может, ускорило) открытое восстание. Летом 976 г., едва вступив на землю Месопотамии, Варда Склир провозгласил себя императором и начал приготовления к походу на Константинополь. Мятеж Склира имел далекоидущие последствия, в том числе и для Русской земли, предвидеть которые тогда не мог никто.

Получив помощь заевфратских эмиров, Склир в 977 г. овладел почти всей Малой Азией. Солдаты правительственных войск охотно переходили под его знамена. Василий II и его советник пребывали в растерянности. «Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, – пишет Михаил Пселл, – император и его приближенные решили... что погибли».

Вероятно, сознание отчаянности своего положения и побудило Василия II отправить послов в Киев. Воскресенская и Никоновская летописи не сообщают ничего существенного о ходе переговоров: «...приидоша послы от греческого царя к Ярополку, взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его». Однако известие Татищева, взятое из других летописных источников, поясняет, что речь прежде всего шла о военной помощи империи: «...пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обещаясь погодную дань платить, а Ярополк обещался на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать»⁴⁵. Достоверность этих слов находит документальное подтверждение в текстах «прежних договоров» руси с греками: «Аще ли хотети начнеть наше царство [Византия] от вас вой на противящихся нам, да пишуть к великому князю вашему, и послеть к нам, елико хошеть: и оттоле увидят иные страны, какую любовь имеют Греки с Русью» (договор Игоря, 944 г.); «Яко николи же помышлю на страну вашу и елико есть под властью гречьскою, ни на власть [волость] Корсунскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьску. Да аще ин кто помыслит на страну вашу, да и аз буду противен ему и борюся с ним» (договор Святослава, 971 г.).

Итак, греки просили «воев», и Ярополк обещал их прислать. Однако сделать это можно было не раньше следующего года, так как в 977 г. еще продолжалась война с Болеславом II, и русское войско, выполняя союзническое обязательство перед Оттоном II, по-видимому, совершило поход в чешское Побужье⁴⁶. Германо-русский союз неуклонно брал верх над Болеславом II, который сложил оружие в конце лета – начале осени. Наступило время и германской стороне выполнить свое обещание, и, по всей вероятности, зимой 977/78 г. Ярополк встречал в Киеве свою заграничную невесту – дочь графа Куно. Следствием этого брака было дальнейшее усиление позиций христианства в Русской земле. По словам Иоакимовской летописи, Ярополк «даде Христианом волю велику»⁴⁷. Внук Ольги с уверенностью смотрел в будущее.

К 978 г. небо на западе и юге от Киева расчистилось. И только север опять затягивался грозой тучей.

Владимир готовится к войне с братом

Новгород и после отъезда Владимира «за море» оставался неподвластен киевскому князю. Хотя Повесть временных лет и упоминает, будто Ярополк направил туда своих посадни-

⁴⁵ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. II. С. 54.

⁴⁶ См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 370, 371, 381; *Он же*. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. С. 115–118.

⁴⁷ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 112.

ков, но достоверность этого известия сомнительна⁴⁸, так как оно опирается исключительно на легендарную концепцию взаимоотношений «русского юга» и «словенского севера», согласно которой Новгород находился в подчинении у Киева с конца IX в. На самом деле Новгород сохранял независимость еще и столетие спустя, как это видно из того, что в 970 г. новгородцы заполучили себе в князя Владимира не по воле Святослава, а по решению своего вече. Ярополковы посадники могли появиться в Новгороде только в результате удачного военного похода, но о подобном предприятии Ярополка нет никаких сведений, хотя, судя по всему, Владимир опасался именно такого развития событий, ибо бежал из Новгорода, ища возможности пополнить за морем свою дружину. Новгородцы между тем и не думали отречься от Владимира, а, напротив, обещали своему князю посильную помощь, так как из дальнейшего летописного повествования ясно, что расходы по содержанию его «варяжской» дружины взяла на себя городская казна.

Как и в случае с Рогволодом, ученые-норманнисты голословно толковали летописное «заморье», куда бежал Владимир, как указание на Скандинавию⁴⁹. Правда, подкрепить свое мнение доказательствами они не пытались, что было бы для них и затруднительно⁵⁰, так как все наличествующие источники, которые только можно привлечь для решения данного вопроса, обнаруживают заморские следы Владимира на южном берегу Балтики, в славянском Поморье.

Возьмем одно из важнейших свидетельств, принадлежащее Титмару Мерзебургскому. Описывая Киев, он заметил, что «до сих пор» (то есть до 1018 г., когда Титмар писал эти строки) русская столица с успехом оборонялась от внешних врагов при помощи «стремительных данов». Замечание это, как видно, относится главным образом к эпохе Владимира (978—1015), и упоминание в составе его дружины «данов» раз навсегда исключает любые спекуляции со Скандинавией, ограничивая поиск «заморья» южнобалтийским побережьем⁵¹. Но было

⁴⁸ Археологическим подтверждением данного летописного сообщения В.Л. Янин считает находки из новгородского Троицкого раскопа – два деревянных замка-«цилиндра» для мехов со «знаками Рюриковичей», лежавшие в слоях 973—1051 гг. (ярусы 22–25). Один из этих княжеских знаков («трезубец») ученый усвоил Владимиру, другой Ярополку (см.: *Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138–155*). Однако их принадлежность к 25-му ярусу (973–991) базируется на безусловном доверии к летописному тексту, и, таким образом, система доказательств Янина сводится к тому, что одно неизвестное поверяется другим. Между тем оба предмета с равным успехом можно датировать временем Ярослава. Историческая наука пока что не может сказать, был ли у каждого русского князя свой личный родовой знак, как не установлено и то, с какими целями «знаки Рюриковичей» наносили на предметы обихода. «...Полезно помнить, – отмечает А.А. Никитин, – что в указанное время (т. е. в X–XI вв.) лично-родовой знак чаще всего являлся «знаком присутствия» владельца, оказываемого им доверия, согласия, подтверждения, т. е. не мог распространяться на продукты ремесленного производства, на оружие дружины и пр., на чем настаивают археологи» (*Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 303*).

⁴⁹ См., напр.: *Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; Москва, 2001. С. 66; Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 32.*

⁵⁰ О скандинавах при дворе князя Владимира рассказывают две саги – «Сага об Олаве Трюггвасоне» и «Сага о Бьёрне, герое из Хитдала». Для нашей темы они совершенно бесполезны, поскольку в обоих случаях речь идет о путешествиях на Русь отдельных лиц и вне всякой связи с походом Владимира на Киев. Малолетний Олав был привезен на Русь в конце 970-х гг. его матерью Астрид, которая бежала от дворцового переворота у себя на родине. Хотя сага и сообщает о наличии у Олава «большой дружины», но повзрослевший герой, в свою бытность на Руси, не совершает никаких других подвигов, кроме грабежа народов Восточной Прибалтики. Что касается «конунга Вальдемара», то он все это время преспокойно княжит в «Хольмгарде» (Новгороде), не имея соперника и не нуждаясь в помощи дружинников Олава. «Сага о Бьёрне» приурочивает пребывание своего героя «в Гардах» (на Руси) к 1008–1010 гг. (см.: *Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнерусской летописи // Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 224*), однако исторические реалии «русского эпизода» в этом произведении соответствуют политической ситуации еще более позднего времени – борьбе Ярослава с Мстиславом в 20–30-х гг. XI в. (см.: *Толочко А.П. Черниговская «Песнь о Мстиславе» в составе исландской саги // Чернигов и его округа: Сб. научных трудов. Киев, 1988*).

⁵¹ В своих комментариях к этому отрывку из Титмара А.В. Назаренко пытается сохранить его мнимый «скандинавский колорит», уверяя, что «данами» в хронике Титмара, как и во многих других западноевропейских источниках, именуются скандинавы вообще, а не только собственно датчане» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 330*). Уточним сразу, что датчане никогда не были скандинавами – ни «вообще», ни «в частности», поэтому ни у Титмара, ни «во многих других западноевропейских источниках» подобного значения этнонима «даны» встретить нельзя. Видимо, имеется в виду причисление «данов» к «норманнам», но это совсем другое дело (термин «норманны» – «северные люди» – не является этническим или, вернее, не имеет определенного этнического содержания). Тогда вопрос заключается в том, *всегда ли* Титмар, употреб-

бы не меньшей ошибкой говорить в этой связи и об этнических датчанах, массовое пребывание которых на Руси конца X – начала XI в. не отмечено ни письменными источниками, ни археологией.

В то же время русские былины свидетельствуют о том, что дружина Владимира пополнялась выходцами из славянского Поморья. Среди последних встречаем «молоды Дюка Степановича», приехавшего в Киев «из-за моря, из-за синева, из славна Волинца», то есть из поморского Волина, и «славнова гостя богатова» Словья Будимировича, приплывшего с дружиной на тридцати кораблях «из-за моря Верейского» (Варяжского), «из Веденецкой земли» – славяно-вендского Поморья. О постоянных торговых контактах славянского Волина с новгородскими купцами писал во второй половине XI в. Адам Бременский. Из летописи мы знаем, что Владимировы «варяги» (которые, кстати сказать, в скандинавских сагах слынут «гридями») поклонялись Перуну⁵² – божеству, чтимому среди поморских славян.

Ввиду всего этого не будет большой натяжкой предположить, что конечной целью путешествия Владимира «за море» была земля славянского племени вагров (между современными Любеком и Ольденбургом), непосредственных соседей датчан. Не забудем, что дедом Владимира по матери был Малко Любчанин – выходец из поморского Любеча/Любека, то есть из Вагирской земли. Должно быть, Владимир имел в виду эти родственные связи, обращаясь за помощью к ваграм. В 1018 г., когда Титмар писал о киевских «данах», Вагирская земля уже принадлежала Дании и активно заселялась датчанами (по сообщению собирателя скандинавских саг Снорри Стурлусона, один из сыновей датского короля Кнута I Могучего до 1030 г. сидел «в Иомсборге [славянском Волине, в устье Одры] и правил Страной Вендов [славянской областью Западного Поморья]»; в XII в. немецкий хронист Гельмольд отметил, что в Вагирской марке есть множество «мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян»). По этой причине Титмар и нарек вагров «данами», руководствуясь скорее их государственно-правовой, чем этнической принадлежностью. Конечно, в наемную дружину Владимира могло затесаться некоторое количество датчан или бродячих скандинавских «норманнов», но то был случайный элемент, который можно не принимать во внимание. По словам Гельмольда, в мореходном деле вагры были «впереди всех славянских народов» и потому легко могли обеспечить переброску наемных «варягов» Владимира в Новгородскую землю.

Количество «варягов», приведенных Владимиром из Вагирской земли, поддается приблизительному исчислению. По сведениям скандинавской «Пряди об Эймунде», стоимость наемника на Руси в начале XI в. была такова: простой воин получал в год 1 гривну (51 г серебра по севернорусскому счету, половина этой суммы выплачивалась мехами), рулевой на судне – вдвое больше⁵³. С другой стороны, летописное сообщение под 1014 г. говорит, что Владимир обязал новгородцев давать тысячу гривен «гридем», видимо из числа тех «варягов», которых он после победы над Ярополком «расточил» по городам. Стало быть, в Новгороде осела значительная часть «варяжской» дружины – около тысячи человек. По крайней мере столько же, если не больше заморских наемников должно было остаться с Владимиром в Киеве, о чем сви-

лая этноним «даны», разумел «норманны», и *всегда ли* эти «даны-норманны» означают у него не собственно датчан, а жителей Скандинавии, шведов и норвежцев? Не думаю, чтобы дело обстояло именно так (хотя специального исследования на эту тему никто не проводил). Крупнейшие немецкие хронисты XI–XII вв. – Видукинд, Адам Бременский и Гельмольд – уверенно выделяли датчан в особую этническую группу.

⁵² Одного этого сообщения достаточно, чтобы опровергнуть домыслы об этническом тождестве «варягов» Владимира со скандинавами (см.: *Гегеон С.А. Варяги и Русь. Ч. I. СПб., 1876. С. 45*). Однако в своем нежелании видеть очевидное иные ученые-норманисты доходят до абсолютного научного нигилизма, утверждая, будто Перун – это не кто иной, как ославяненный Один или Тор, хотя хорошо известно, что культ Перуна, распространенный не только среди славянских племен, но также у балтов и албанцев, уходит корнями в эпоху индоевропейской общности. Подобные приемы свидетельствуют об исчерпанности собственно научных аргументов и конечном крахе норманнской теории.

⁵³ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 505–506*.

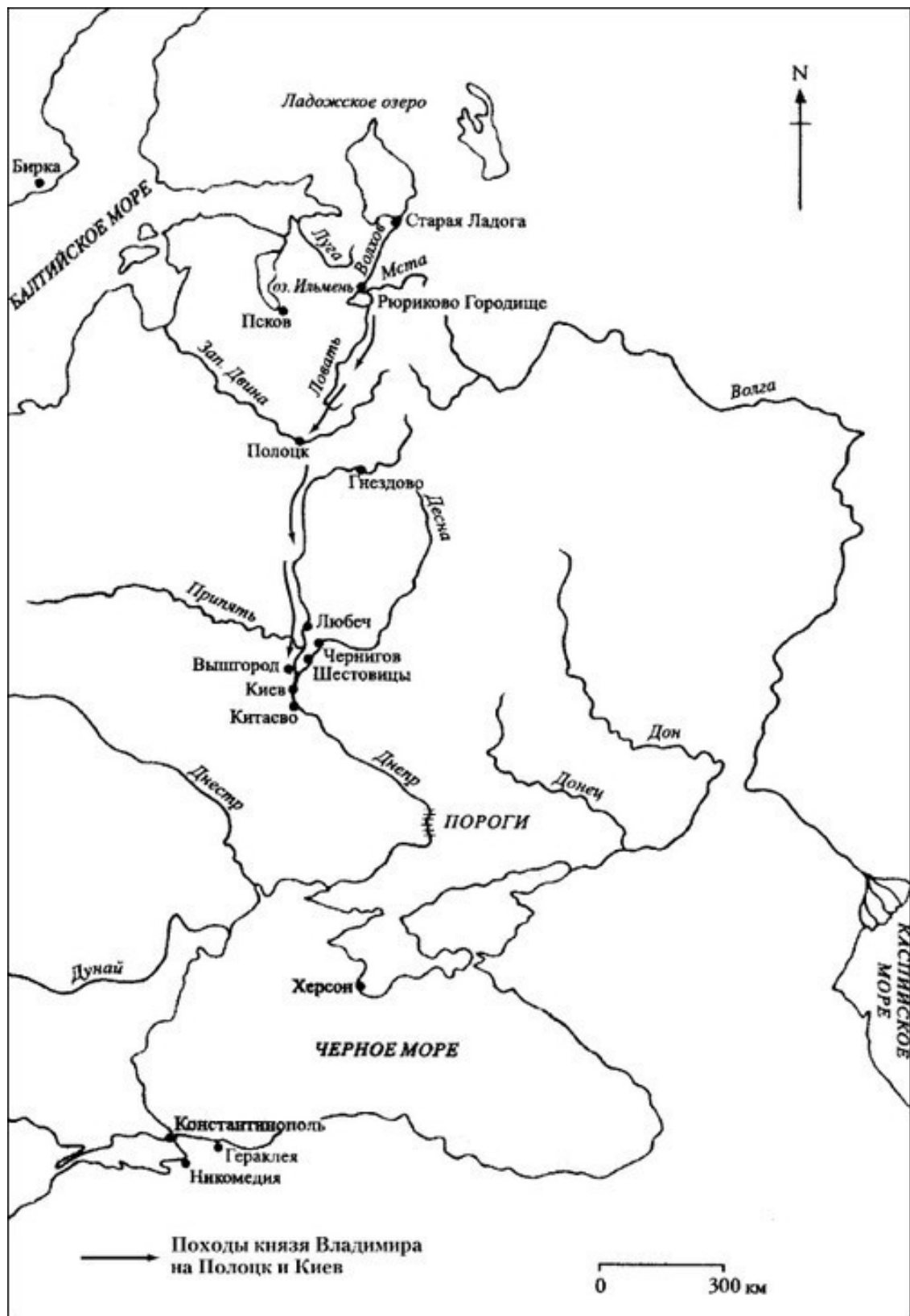
детельствует Титмар. Общее число нанятых в «заморье» дружинников, таким образом, равнялось, вероятно, двум-трем тысячам воинов.

С этого времени ведет свое существование «Варяжский двор» в Новгороде⁵⁴, так как строительство казарм для наемников входило в условия договора с нанимавшим их князем (в «Пряди об Эймунде» Ярослав обязуется построить воинам Эймунда «каменный дом и хорошо убрать [его] драгоценной тканью»).

Поход на Киев

Начало войны Владимира с Ярополком наши летописи излагают не вполне согласно между собою. Повесть временных лет говорит, что Ярополк побоялся встретить войско Владимира в поле и затворился в Киеве. С осады города и начинается подробное описание военной кампании или, точнее, пересказ устного предания о предательстве воеводы Блуда. Опора на это фольклорное произведение, которое служило летописцу главным и, по-видимому, единственным источником для освещения заключительной фазы борьбы Святославичей, обусловила мгновенный перенос места действия под Киев, чтобы немедленно вручить судьбу Ярополка в руки Блуда – собственно ключевого персонажа всей истории.

⁵⁴ В Повести временных лет он упоминается уже в 1015 г. под названием «поромонов двор»: «И воставше новгородци, и избиша варягы на дворе поромони». Летописец использовал здесь «кальку греческого прилагательного «верные» («поромоны». – С. Ц.), которое было синонимом «варангов» в византийской исторической литературе...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 255). Выражение *Βαρ<γγυοι κα! Τιαραјіовси* (варанги или верные) было самым обычным в Византии, и, например, переписчик византийского историка XII в. Никиты Хониата использовал его 9 раз (см.: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908, с. 331).

Походы князя Владимира на Полоцк и Киев

Иначе представляет ход дела Иоакимовская летопись, в которой нашли отражение события, предшествовавшие кровавой развязке в Киеве. Сначала Ярополк шлет к брату послов «увесчевати», то есть пытаюсь уладить дело миром. Одновременно он выдвигает к северной

границе Русской земли, в междуречье Днепра и Западной Двины («во кривичи»), войско под началом своих воевод. Владимир колеблется, «но вуй [дядя] его Добрыня», ведавший, что Ярополк «не любим есть у людей [в Киеве], зане христианом даде волю велику», удержал Владимира от отступления и послал «в полки Ярополчи з дары к воеводам, вода [вадя, т. е. приваживая, привлекая] их ко Владимиру». Те пообещали перейти на его сторону со всеми ратниками. Тогда Добрыня с Владимиром двинулись с войском «на полки Ярополчи и, спешдшися на реке Дручи в трех днях от Смоленска, победиша полки Ярополчи не силою, ни храбростию, но предательством воевод Ярополчих...»⁵⁵.

Из этого сообщения можно понять, что в задачу Ярополковых воевод (возможно, тех же самых Блуда и Свенгельда) входила охрана верховьев Днепра с тем, чтобы помешать войску Владимира спуститься по реке к Киеву. Вероятно, киевская рать встала в Смоленске или Гнездове – самых северных форпостах киевских князей в Русской земле. Владимиру пришлось двинуться в обход. Он предполагал войти в Днепр через его правый приток, речку Дручу (ныне Друть), впадающую в Днепр значительно южнее Смоленска, возле современного Рогачева. Маршрут движения Владимирово войска свидетельствует о том, что местом его сосредоточения был Полоцк (и это обстоятельство между прочим служит еще одним опровержением существования прямого водного пути «из варяг в греки», из Ловати в Днепр). Воеводы Ярополка успели преградить путь Владимиру. Но исход противостояния двух армий был решен не мечом, а подкупом. И тут Иоакимовская летопись дает теме предательства, подробно разработанной также и Повестью временных лет, новый оборот, выдвигая на первый план недовольство воевод прохристианской политикой Ярополка. Нет причин сомневаться в этом известии. Княжеская дружина была именно той средой, где христианство встречало обостренное неприятие, особенно с тех пор, как оно заявило о своем намерении переустроить весь жизненный уклад древнерусского общества. Всплески языческого протеста в последние годы княжения Ольги и временное торжество языческой реакции при Святославе были видимым проявлением глубокого раскола внутри дружинной «руси», который, конечно, сохранял всю свою остроту и при Ярополке. Воинствующее киевское язычество, притихшее после смерти Святослава, усмотрело во Владимире князя, способного вернуть «русским богам» их поколебленное величие.

После битвы на реке Друче Владимиру открылась прямая дорога на Киев. Очевидно, не позднее чем через две недели он разбил свой стан под городом, «между Дорогожицем и Капичем», как сказано в Повести временных лет. Урочище Дорогожичи находилось километрах в двух на северо-запад от Киева. Местоположение Капича неизвестно; топоним этот более не упоминается в летописи⁵⁶.

Убийство Ярополка

С этого момента летопись вступает на зыбкую почву предания, которое, разумеется, не может быть целиком сочтено за подлинную картину осады Киева. По всей видимости, в намерения Владимира, собиравшегося «восприять» киевский стол, не входило брать город приступом и причинять ему разрушения⁵⁷. Между тем киевляне отнюдь не спешили менять одного князя на другого и твердо держали сторону Ярополка. Тогда Владимир посулил свою милость

⁵⁵ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 111–112.

⁵⁶ Может быть, речь идет о языческом святилище – «капище»? Ближайшие к Дорогожичам капища можно предполагать на Хоревике или на Шековице, где в XII в. были построены христианские храмы. Летопись особо указывает, что святые златоверхие церкви теперь высятся там, где некогда стояли языческие кумиры.

⁵⁷ А.П. Новосельцев отмечает, что на Руси X–XI вв. противоборствующие князья захватывали *власть*, а не *город*, вследствие чего столица не подвергалась разграблению. Победивший претендент вступал в Киев как законный правитель и вел себя соответствующим образом (см.: Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 15–16).

Блуду, и тот, по словам Повести временных лет, «мысля убить Ярополка; гражаны же не бе лзе убить его», то есть киевский «полк» (ополчение рядовых горожан) служил Ярополку надежной защитой от любых покушений на его жизнь. Расстановка сил в осажденном городе, вероятно, была такова, что проязычески настроенной дружинной верхушке, желавшей сдачи Киева Владимиру, противостояла городская христианская община, по археологическим данным весьма многочисленная.

*Подступ князя Владимира к Киеву.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

*Отъезд киевского князя Ярополка из Киева в город Родню.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

Чтобы оторвать Ярополка от сочувствовавшего ему окружения, Блуд якобы уговорил его бежать из Киева в город Родню, расположенный в устье реки Рось. Войско Владимира обложило его и там. По истечении какого-то времени в городе разразился страшный голод; «и есть

притча и до сего дни: беда яко в Родне», добавляет летописец. Вот тут-то Блуд и посоветовал Ярополку сдаться на милость брата.

«Родненский эпизод» является позднейшим домыслом к древнейшей части предания, что видно по разнобою, царящему в различных списках Повести временных лет. В Архангелогородской летописи этого места вообще нет, а в Хлебниковской и Погодинской летописях отсутствует упоминание про голод и «родненскую» поговорку. Сам топоним «Родня» имеет варианты: Родень, Родины, Род; некоторые летописи вообще обходятся без этого названия (в Псковской летописи Ярополк бежит в «град иной», по Супрасльской летописи, князь «затворися в граде»). В Лаврентьевском списке нет названия реки, на которой стоит Родня, другие редакции Повести искажают этот гидроним: Урси и т. д.⁵⁸ В дальнейшем город под названием Родня в Повести временных лет ни разу не упоминается, и это обстоятельство настораживает тем больше, что археологи испытывают затруднения с локализацией летописной Родни: непосредственно в устье Роси древнерусских городищ X в. нет⁵⁹. Славянская колонизация достигла здешних мест только к концу княжения Владимира. Наконец, на продолжительное «сидение» в Родне у Ярополка просто не остается времени, так как поход Владимира на Киев, начавшийся самое раннее в конце апреля или первых числах мая 978 г., был победоносно завершён уже 11 июня, а эта дата, как было сказано выше, указывает одновременно и на день смерти Ярополка.

Конец Ярополка, после того как он послушался предательского совета Блуда и вернулся в Киев, описан в Повести временных лет следующим образом: «И прииде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста его два варяга мечьми под пазусе [пазуху]. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убиен бысть Ярополк...» Однако обоснованный скептицизм по поводу известий о «сидении» великого князя в Родне позволяет думать, что на самом деле Ярополк был предательски убит Владимиром на мирных переговорах, состоявшихся еще во время осады Киева. Факт насильственной смерти Ярополка удостоверяет также Иаков Мних: «...а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимирове». О судьбе немецкой супруги убиенного князя можно только догадываться. Скорее всего, после соответствующих переговоров Владимир отправил ее на родину.

⁵⁸ См.: Барац Г. Библийско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908. С. 11–12.

⁵⁹ Летописную Родню наиболее часто отождествляют с городищем Княжая гора, которое, однако, находится не в устье Роси, а несколькими километрами выше по течению (см.: Мезенцева Г.Г. Древнерусские моты Родень (Княжа гора). Кшв, 1968; Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 44). В X в. здешнее укрепление, служившее временным убежищем для жителей соседнего открытого поселения, выглядело весьма скромно и мало подходило для длительного «сидения» в осаде. В городской детинец оно превратилось только в XII–XIII вв.

*Убийство князя Ярополка двумя варягами.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

Блуд, как передает летописный источник Татищева, ненадолго пережил своего господина. Вначале обласканный Владимиром, он вскоре навлек на себя гнев князя и был казнен. При этом Владимир будто бы помянул опальному воеводе его недавнее предательство: «Я тебе по обещанию моему честь воздал, яко приятелю, а сужю, яко изменника государя своего». Повесть временных лет ничего не сообщает о судьбе Блуда, но и не упоминает больше его имени.

Во всей древнерусской литературе мы не найдем ни одного упрека Владимиру за убийство брата. И это неудивительно. Тот или иной исход вооруженной борьбы в представлении людей того времени, как христиан, так и язычников, являлся непререкаемым свидетельством свершения небесного правосудия, Божьего суда. Поражение доказывало неужиданность побежденного богам (или Богу), победа была видимым знаком торжества справедливости и позволяла победителю законным образом присвоить власть и имущество поверженного врага. «И Бог поможе ему [Владимиру] и седе в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря», – простодушно пишет Иаков Мних, предваряя этой фразой свое известие об убийстве Ярополка «мужами Володимеровыми». Поэтому, лишившись Ярополка, киевляне безропотно признали право Владимира на *отний стол*.

Но едва приняв в свои руки княжение, Владимир вступил в конфликт с наемной дружиной. В отличие от князя поморские «варяги» смотрели на Киев только как на свою военную добычу, бесчинствовали и желали получить с киевлян дань: «Се град наш; мы его прияхом, да хотим имать откуп на них [киевлянах], по две гривне с человека». Владимир, однако, не решился раздражать киевлян поборами. По сообщению летописи, так ничего и не дав «варягам», он отослал большую их часть в Византию, на императорскую службу. Это вроде бы согласуется с желанием греков, высказанным на переговорах с Ярополком в 977 г., получить русских «воев». Но в византийских хрониках нет известий об участии русов в войне против Варды Склира, и, скорее всего, Повесть временных лет просто припомнила не к месту события, произошедшие десятилетием спустя – отправку Владимиром вспомогательного корпуса на помощь империи в 988 г. Для выяснения дальнейшей судьбы «варяжской» дружины Владимира гораздо большее значение имеет показание Титмара, что «даны» еще и в начале XI в. составляли костяк киевского гарнизона. Да и по нашим летописям оказывается, что «варяги» много позднее находились на содержании новгородцев (сообщение под 1014 г. о тысяче гривен, собираемых для «гридей»). Отсюда вероятнее, что Владимир все-таки предпочел сохранить «варягов» у себя на службе, частью оставив их в Киеве, частью разослав на покорм в разные города; кое-кого он назначил княжами посадниками: «И избра от них мужи добры, и смыслены и храбры, и раздая им грады».

С вокняжением Владимира в Киеве раздел Русской земли был уничтожен, государственное единство ее восстановлено.

Часть вторая Княжение Владимира

Глава 1 Под покровительством богов

Шаги по упрочению власти

Новгородский князь на киевском столе был явлением необычным. Никогда раньше словене не брали так решительно верх над русью. Однако было бы неверно думать, что политический смысл победы Владимира над Ярополком состоял в завоевании Киева Новгородом. В событиях 978 г. отсутствовал сколько-нибудь заметный элемент этноплеменного соперничества. Это была внутридинастическая борьба, и только. Русская/Киевская земля была для Владимира *отчиной*. Он шел не покорять ее, а добывать себе «отний и дедний стол». Оказав ему помощь, новгородцы всего лишь поддержали династические притязания своего князя, отнюдь не мечтая при этом об установлении господства Новгорода над Киевом.

Подобных мыслей не было и у самого Владимира. Едва заняв опустевший «двор теремный», он превратился из новгородского князя в князя киевского, и это преобразование далось ему легко и естественно. Княжить в Киеве означало продолжать «русскую» политическую традицию. Конечно, Владимир никогда не терял из виду словенский север, но отныне вся его деятельность была подчинена интересам Русской/Киевской земли. Внешне являя собой прообраз «государя всея Руси», Владимир до самой своей смерти оставался прежде всего и по преимуществу киевским князем, проводником киевской политики, которая, впрочем, в иных случаях приобретала общеземскую значимость и объективно выражала интересы всего восточного славянства.

Тем не менее на первых порах он должен был чувствовать себя в Киеве чужаком. Киевляне вряд ли были в восторге от того, что их князем стал северный пришелец, к тому же еще и «робичич». Чтобы укрепить свое положение в Киеве, Владимиру нужно было решить двоякую задачу: повысить свой личный авторитет как удачливого и могущественного князя и завоевать расположение «людей Русской земли», в первую очередь киевлян.

Ограниченность своих связей с русским обществом Среднего Поднепровья Владимир поначалу возместил тем, что усилил славяно-финское присутствие в Русской земле, организовав массовое переселение на юг своих северных подданных. Большая часть переселенцев была размещена в крепостях на русско-печенежском пограничье: «И нача нарубати [набирать] муже лучшии от словен, и от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады». Повесть временных лет датирует это сообщение концом 80-х гг. X в. Однако ниже мы увидим, что оборонительные мероприятия Владимира в лесостепной зоне были поистине грандиозны и должны были вестись не одно десятилетие.

Владимир стал первым киевским князем, который столь широко использовал людские ресурсы северных областей. Без сомнения, он рассчитывал таким образом создать более или менее прочную социальную опору своей власти; и вместе с тем, укрепляя границу со степью, Владимир показывал киевлянам, что заботится о благосостоянии Русской земли.

Религиозная реформа

Наглядным воплощением политики Владимира в начальный период его княжения в Киеве стала знаменитая реорганизация языческого культа, о которой Повесть временных лет рассказывает под 980 г.: «И нача княжити Володимир Кыеве един, и постави кумиры на холму

вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хьрса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И жряху им, наричюще их боги...»

Сущность этой «религиозной реформы» Владимира историки толковали по-разному⁶⁰. Здесь важно не исказить смысловые акценты летописного текста. То важное в действиях Владимира, что летописец пытался донести до сведения потомков, заключалось отнюдь не в создании князем пресловутого «языческого пантеона», так как поименный перечень богов, вероятнее всего, является вставкой конца XI – начала XII в.⁶¹ (например, у Иакова Мниха, автора второй трети XI в., сказано только: «Перун, Хоре и ины многа»). И если прочитать летописное сообщение в его первоизданном виде, без именного списка кумиров, то смысловым «гвоздем» его окажется небольшая топографическая деталь: новое святилище находилось «на холме *вне двора теремного*», то есть было вынесено за пределы княжеского замка, на городскую территорию, где проживали киевские «люди».

Подлинное значение этого нововведения чутко уловил Ф. Корш: «Из того, что эти кумиры были поставлены «вне двора теремного», по-видимому, следует, что они предназначались для общественного поклонения»⁶². Княжеский замок – «двор теремный» – был святой святых князей «от рода русского»⁶³. Его сакрально защищенная территория, недоступная для большинства киевлян, олицетворяла этнорелигиозную обособленность «великого князя русского» и всей дружинной «руси» от остального населения Русской земли. Почти полтора столетия русы ревниво прятали своих богов от чужих глаз, не позволяя никому, даже городской общине Киева, почитать и умиловать тех, кому они обязаны были своей силой и своим господством над словенами и «языками». Но неудержимый процесс культурно-расовой ассимиляции постепенно стирал все видимые различия между завоевателями и завоеванными, превращая их в *соотечественников*, спаянных общими интересами и нуждами.

И вот, наконец, случилось неизбежное – то, что должно было произойти рано или поздно: «люди Русской земли» были допущены к отправлению официального княжеско-дружинного культа. По прямому свидетельству Иакова Мниха, «на холме, еде же стояше кумир Перун и прочии... творяху потребы *князь и людѣ*». Владимиру, воспитанному в словенском Новгороде и потому наименее «русскому» из всех предшествовавших ему киевских князей, было легче других решиться на этот шаг, тем более что им двигала насущная политическая потребность наладить прочные доверительные отношения с киевским обществом.

Разумеется, нет речи о том, что «религиозная реформа» Владимира знаменовала собой полное слияние руси со славянами и завершение формирования этнически однородного сообщества – русского народа, или древнерусской народности. Но, вынося «русских идолов» за пределы «двора теремного» для всеобщего поклонения, Владимир показывал, что отныне «русский князь» не проводит этнической границы между «русью» и остальными подданными.

⁶⁰ Разброс мнений приблизительно таков: 1) это было «торжеством языческой стороны над христианской» (Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. М., 1993. С. 167); или 2) «попыткой модернизации самой языческой религии, точнее, пестрых языческих верований, которым Владимир пытался придать стройность и ввести их в рамки, соответствующие укреплению и развитию классового общества...» (Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 309); 3) князь «хотел собрать всех богов, которым поклонялись различные племена, и составить из них в Киеве пантеон, обязательный для всего государства. Владимир желал создать такую религию, которая могла бы крепче объединить все его государство (Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 476); 4) Владимир стремился «поднять древние народные верования до уровня государственной религии» (Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 395); 5) он «сделал попытку приспособить язычество к своей объединительной политике» (Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 344–345); 6) «Поставление кумиров» – идеологическая акция, с помощью которой киевский князь надеялся удержать власть над покоренными племенами, остановить начавшийся распад грандиозного союза племен во главе с Киевом» (Фроянов И.Я. Начала русской истории. С. 783); 7) речь идет «о простом и прозаическом деле – строительстве языческого капища на новом месте» (Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. С. 210).

⁶¹ См.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. С. 313–315.

⁶² Корш Ф. Владимировы боги: Исторический очерк. Харьков, 1908. С. 2.

⁶³ Нахождение святилища рядом с княжеским замком – характерная черта топографии славянских городищ. По Титмару, в замке князя редарей стояло капище бога Радегаста; в Щетине княжий двор располагался на холме бога Триглава.

Предводитель дружины желал быть князем земли, выразителем общеземского интереса, и это означало, что «князь с дружиной из вооруженной силы превращается в политическую власть»⁶⁴.

Летописное сообщение о сооружении кумирни в Киеве имеет продолжение: «Володимир же посади Добрыню, уя своего, в Новгороде. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумира над рекою Волховом, и жряхуть ему людье ноугородьстии акы богу». Историческая достоверность этого известия невелика. К тому времени ильменские словене почитали Перуна уже не менее ста лет, о чем свидетельствуют археологические раскопки в святилище Перынь, располагавшемся неподалеку от Новгорода (в IX–X вв. оно представляло собой круглую площадку диаметром 35 м, в центре которой находился пьедестал для деревянного истукана, вырезанного из бревна размером около 60 см в поперечнике). Видимо, кто-то из позднейших редакторов Повести временных лет использовал для данной заметки новгородские предания о Добрыне – крестителе Новгорода и Словенской земли, которые создавались по аналогии с эпосом о Владимире – крестителе киевлян и Русской земли; таким образом, Добрыня, следуя симметричной схеме жития Владимира, на протяжении девяти лет оказался вначале насадителем языческого культа, а потом ниспровергателем им же самим поставленных идолов⁶⁵.

Человеческие жертвоприношения

Вместе с «русскими» богами глазам киевских «людей» предстал и самый отвратительный обычай «русского» культа – человеческие жертвоприношения: «...и привожаху [на холм, к кумирам] сыны своя и дщери, и жряху бесам, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холм тот».

О ритуальных убийствах у русов в разное время писали византийские, арабские, немецкие авторы; их известия находят подтверждение в материалах археологии. Однако данное сообщение Повести временных лет не может встать в один ряд с этими достоверными показаниями, так как оно является почти дословным заимствованием из так называемой «Речи философа» – самостоятельного произведения западно– или южнославянской церковной литературы второй половины IX – начала X в., включенного летописцем в историю обращения Владимира. «Посем же дьявол в большее прельщение вверже человеки, – сказано там, – и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, другие мраморяны, а иные златы и сребряны; кланяхуся *и привожаху сыны своя и дщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена*».

Данный фрагмент «Речи философа», в свою очередь, восходит к 105-му псалму: «...служили истуканам их... и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, – и осквернилась земля кровью...» (Псалтирь, 105: 37–38).

Впрочем, обвинить летописца в голый литературщине тоже нельзя. Заклание русами на алтаре юношей и девиц и даже грудных младенцев удостоверено свидетельствами патриарха Фотия, Льва Диякона, составителем Жития Стефана Сурожского. Правда, во всех этих случаях речь идет об иноземных пленниках. Сомнению, таким образом, подлежит не сам факт принесения в жертву на киевском «холме» молодежи обоего пола, а выбор русами для кровавого культового действия собственных детей. Эта якобы «историческая» подробность, безусловно не имеющая никакого отношения к «русскому» язычеству конца X в., навеяна исключительно библейскими ассоциациями: «...стали грешить сыны Израилевы перед Господом Богом своим... и проводили сыновей своих и дочерей своих чрез огонь» (4 Цар., 17: 7, 17); «и

⁶⁴ Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. М., 1989. Т. I. С. 160.

⁶⁵ См.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. С. 316.

устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу...» (Иер., 19: 5) и т. д.

Другие (внелетописные) литературные свидетельства, которыми иногда пытались подкрепить летописное сообщение – как, например, восклицание митрополита Илариона, противопоставившего в «Слове о законе и благодати»⁶⁶ новые времена старым: «Уже не приносим друг друга в жертву бесам!», или перекликающиеся с ним слова Кирилла Туровского из его проповеди в Фомину неделю: «Отселе бо не приемлеть ад требы, заколаемых отцы младенец, ни смерть почести: преста бо идолослужение и пагубное бесовское насилие», – по-видимому, имеют тот же ветхозаветный источник.

Варяги-мученики

Известие о кумирах и человеческих жертвоприношениях представляет в Повести временных лет как бы пролог к истории о варягах-мучениках, отце и сыне, которая отодвинута на 983 г., хотя, возможно, когда-то была неотъемлемой частью сказания о борьбе Владимира с Ярополком. Говорится, что после похода на ятвягов Владимир «иде к Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими. И реша старцы и боляре: «Мечем жребий на отрока и девицу; на кого же падеть, того зарежем богам». В Киеве жил один варяг, двор его стоял на том месте, «идеже есть [ныне] церкви святая Богородица [Десятинная]». Этот человек «пришел из грек, и держаше веру хрестеянскую». У него был сын «красен лицом и душею», на которого и пал роковой жребий. Посланники от киевлян пришли на двор к варягу и сказали: «Паде жребий на сын твой... да створим требу богам». Варяг отвечал: «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнееть; не ядять бо, ни пьют, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А Бог есть един, ему же служат греци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему житии на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесам». Послы поведали обо всем киевлянам. Тогда горожане вооружились и силой вломились на двор к варягу, «он же стояше в сенех с сыном своим». Толпа потребовала выдать сына. «Он же рече: «Аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сын мой. А вы чему претребуете им [зачем хлопчете за них]?» Обозленные киевляне «посекоша сени под нима, и тако побииша их. И не свесть никтоже, где положиша их».

В целом «варяжскую» новеллу под 983 г. можно считать ценным историческим сообщением (за исключением богословского спора варяга с киевлянами, состоящего из общих мест, взятых из современной летописцу антиязыческой церковной литературы⁶⁷, а также топографической привязки места действия к будущей территории церкви Богородицы, поскольку летописная запись под 991 г. о возведении этого храма умалчивает о якобы произошедшей здесь некогда драме). Поручкой достоверности сказания о варягах-мучениках служит безымянность двух его главных героев, ибо благочестивая легенда, конечно, не преминула бы назвать их по именам⁶⁸.

⁶⁶ Полное заглавие: «О законе, Моисеом [Моисею] даннем, и о благодати и истине [которые] Иисусом Христом бывшии; и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простресея и до нашего языка русьского [достигла]; и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом; и молитва к Богу от всея земли нашея».

⁶⁷ Ср., напр., с более поздним летописным рассказом об «испытании вер» (под 986 г.), где богословские аргументы «варяга» вложены в уста пришедших к Владимиру папских послов: «вера бо наша яко свет есть, кланяемся Богу, иже сотвори небо и землю, звезды и месяц, и всяко дыхание, а бози ваши древо суть».

⁶⁸ Как это и произошло впоследствии. Домонгольскому летописанию и внелетописным памятникам этого времени имена варягов-мучеников были неизвестны. Анонимное Слово на святую Четыредесятницу (вторая половина XI в.) называет их просто «мучениками Христовыми». Владимирский епископ Симон (1214–1226) в одном из своих посланий пишет о святом Леонтии Ростовском, крестителе Ростовской земли, убитом местными язычниками: «...се трети гражданин бысть Рускаго мира, с онема варягома венчаша во Христе». А.В. Назаренко замечает по этому поводу: «Нигде выше у Симона речь о варягах-мучениках не шла, поэтому многозначительное «онема» приходится понимать как указание на тех всем известных варягов, которых в то же время невозможно назвать по именам, ибо они неизвестны» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных

Однако конкретный исторический смысл внезапного столкновения киевских христиан с язычниками лежит отнюдь не на поверхности. Нас не может не озадачить то весьма странное обстоятельство, что в число потенциальных жертв, на кого метали жребий, было включено христианское население Киева, которое к тому же еще и не было поставлено в известность относительно происходящего, ибо варяг-отец, как выясняется, ничего не знал о предуготованной его сыну участи вплоть до появления на его дворе возбужденных язычников, пришедших за намеченной жертвой. Само по себе случившееся выглядит беспрецедентным, не поддающимся никакому объяснению событием, особенно если считать инициаторами «жребия» язычников-киевлян, к чему, собственно, и предрасполагает летописный текст. Между тем такое его понимание явным образом противоречит широко известному гостеприимству русов, о котором с большой похвалой отзывались средневековые арабские писатели, и не только они. Вот, например, свидетельство Ибн Русте: «Гостям [русы] оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо. Они не позволяют никому из своей среды грабить и обижать таких пришельцев; если кто-нибудь из пришельцев жалуется им на причиненный вред или обиду, они оказывают ему помощь и защищают его». Но ведь киевские варяги – отец и сын – именно и были такими пришельцами, находившимися под защитой *закона русского*.

путях. С. 384). В этой связи весьма показательно, что на Руси не было храмов, поименованных в честь варягов-мучеников. Свои имена – Феодор (или Туры) и Иоанн, под которыми они поминаются ныне, – первые российские мученики получили уже в позднейшей церковной традиции, опиравшейся, по мнению И. И. Малышевского, на предания Киево-Печерской лавры (см.: *Мальшевский И.И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды Киевской духовной академии. 1887. № 12. С. 23, 34).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.